

РЕНКОМ РИГГЗ

КАЗНИ
ДЬЯВОЛЬСКОГО АКРА

ДОМ СТРАННЫХ ДЕТЕЙ

Ренсом Риггз
Казни Дьявольского Акра
Серия «Дом странных детей»
Серия «Мисс Перегрин», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66806028

Р. Риггз. Казни Дьявольского Акра: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2022

ISBN 978-5-17-136128-0

Аннотация

Судьба странного мира висит на волоске – монстр, уже не раз пытавшийся его погубить, вернулся и собирает армию. Приближается последняя битва. Дожди из крови, костей и пепла – будто египетские казни – обрушились на последнее прибежище странных людей. Джейкобу Портману и его друзьям предстоит бой с порождениями тьмы. И вся надежда на спасение сосредоточена в древнем пророчестве о семерых, которые «должны закрыть дверь».

Иллюстрациями к этому напряженному повествованию, как и к предыдущим книгам серии, служат причудливые и жутковатые винтажные фотографии, которые автор коллекционирует на протяжении многих лет.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	24
Глава третья	54
Глава четвертая	72
Глава пятая	121
Глава шестая	139
Глава седьмая	168
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Ренсом Риггз

Казни Дьявольского Акра

Ransom Riggs

The Desolations of Devil's Acre

Copyright © 2021 by Ransom Riggs

Ministry of Peculiar Affairs stamp on pages 317, 323, 356,
and case cover © 2018 by Chad Michael Studio

Photo of man using computer on page 30 © 2021 by Steve
Ciarcia Bear and antelope heads on pages 268 and 269

© EVGENY LASHCHENOV / 123RF.com

Ram heads on pages 268 and 269 © acceptphoto /
123RF.com

Poster art on page 394 © Natalia Chernyshova / 123RF.com

© А. Блейз, А. Осипов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящается Джоди Ример, истребительнице
монстров*

*Старый фотоснимок, старый друг, старое
письмо – все это подчас может напомнить, что мы
уже не те, какими были прежде: человека, который*

жил среди этих людей, ценил, выбирал или писал что-то, больше нет. Сами того не заметив, мы ушли далеко-далеко. Странное стало привычным, а привычное – если не странным, то по меньшей мере неудобным или нелепым.

– Ребекка Солнит, «Синие дали» (из сборника «Путеводитель для желающих заблудиться»)

Глава первая

Долгое время нет ничего. Только темнота, рокот дальнего грома и неясное чувство, что я куда-то падаю. И больше ничего – ни личности, ни имени. Памяти тоже нет. Смутно понимаю, что прежде все это было, но потом исчезло, и теперь я – почти ничто. Одинокий фотон угасающего света, кружащийся в голодной пустоте.

И это тоже скоро кончится.

Боюсь, я потерял душу, но не могу вспомнить как. Все, что я помню, – это раскаты медленно ворочающегося грома, а в них, растянутые до неузнаваемости, слоги моего бывшего имени, которого я больше не знаю. Только они и темнота, вот и все. Вечность спустя к грому добавляется еще один звук: это ветер. А затем и дождь. Теперь у меня есть ветер, гром и дождь, и я по-прежнему падаю.

Постепенно кое-что возникает – по чуть-чуть, по одному ощущению за раз. Я выбираюсь из ямы, ускользаю от пустоты. Мой одинокий фотон обрастает другими светящимися точками.

Я чувствую щекой что-то шершавое. Слышу скрип веревок. Что-то хлопает на ветру. Наверное, я на корабле. В темном, запертом наглухо трюме какого-то судна, угодившего в бурю.

Глаз приоткрывается на миг. Надо мной качаются смут-

ные силуэты. Маятники, вывешенные в ряд. Кто-то перетянул пружину, и часы взбесились. Скрежещут шестерни, еще немного – и все пойдет вразнос.

Я моргаю, и маятники превращаются в тела, висящие в петлях. Висельники корчатся, сучат ногами.

Я понимаю, что могу повернуть голову. Размытые образы потихоньку становятся четче.

Под щекой – что-то жесткое и зеленое. Маятники-тела преобразились снова: теперь это ряд растений в скрипучих плетеных кадках, подвешенных на балке, ходят ходуном на ветру. За ними – сетка от комаров, хлопающая откидным клапаном.

Я лежу на веранде. Точнее, на зеленой синтетической траве, которой она покрыта.

Эту веранду я знаю.

Я знаю эту фальшивую траву.

Я перевожу взгляд. Газон, истязаемый ливнем, упирается в темную стену пальм, склонившихся чуть ли не до земли под напором ветра.

Я знаю этот газон.

Знаю эти пальмы.

Сколько я уже здесь лежу? Сколько лет?

...время опять сходит с ума.

Я пытаюсь пошевелиться, но пока удастся только повернуть голову. Я замечаю карточный стол и пару складных стульев. Внезапно ловлю себя на мысли: если я сейчас угово-

рю себя подняться, то обнаружу на столе пару очков для чтения. Неоконченную партию в «Монополию». Кружку с дымящимся, еще горячим кофе.

Только что здесь был кто-то еще. И он что-то сказал – слова еще не отзвучали. Висят в воздухе, возвращаются ко мне отголосками.

– А какая птица их охраняла?

Голос мальчика. Мой собственный голос.

– Большая хищная птица, которая курила трубку.

А этот – скрипучий, с акцентом.

Голос старика.

– Ты, наверное, думаешь, что я совсем глупый, – произносит мальчик.

– Я просто не могу так о тебе думать.

И снова мальчик:

– Но почему чудовища на вас охотились?

Я слышу скрежет – старик отодвигает стул и встает. Сейчас он пойдет, чтобы принести кое-что и показать мне. Так он говорит. Какие-то фотографии.

...когда же это было

...минуту назад

...час

Надо вставать, а то он забеспокоится. Решит, что я его разыгрываю, а он такого не любит. Однажды я шутки ради спрятался от него в лесу, и он до того разошелся, что покраснел как помидор и орал на меня нехорошими словами.

Правда, потом он объяснил, что просто испугался за меня, но что его так напугало, не сказал.

Дождь так и хлещет. Эта буря – как зверь, живой и свирепый, он уже разодрал сетку на веранде. Сетка полощется и хлопает на ветру, точно флаг.

...со мной что-то не так

Приподнимаюсь на локте, но это все, на что меня хватает. Замечаю на полу какую-то странную черную отметину. Выжженная черта – и она тянется вокруг меня, замыкается в контур вокруг моего тела.

Я снова совершаю над собой усилие – пытаюсь сесть. Перед глазами плывут черные пятна.

И вдруг – оглушительный грохот. Все становится белым, и я на мгновение слепну.

...так ярко, так близко, так громко...

Похоже на взрыв, но это не взрыв – это молния. Бьет совсем рядом, так близко, что между вспышкой и раскатом грома не проходит и секунды.

И вот я уже сижу, а сердце в груди колотится, как сумасшедшее. Я подношу дрожащую руку к глазам.

Какая-то она странная, эта рука. Слишком большая. Пальцы чересчур длинные. И между костяшек растут черные волоски.

...где этот мальчик? ведь он – это я? или нет? Не люблю, когда меня разыгрывают...

Кожа вокруг запястья – красная, как будто натертая...

...наручники, пристегнутые к перилам крыльца, а вокруг бушует буря...

Теперь, когда я смог сесть, стало видно крышку стола. И на столе ничего нет.

Ни чашки с кофе, ни очков.

...он не вернется.

Но все-таки он возвращается, хоть это и невозможно. Вон он, на опушке леса. Мой дед. Шагает в высокой траве, сражаясь с ветром, бьющим прямо в лицо. Его желтый дождевик мелькает ярким пятном на фоне пальм. Капюшон натянут чуть не до самого носа – защищает глаза от жалящих струй дождя.

...что он там делает? почему не вернется в дом?..

Он останавливается. Смотрит под ноги. Разглядывает что-то, чего я не вижу: трава слишком высокая.

Я поднимаю руку. Окликаю его по имени.

Он выпрямляется, и только теперь я понимаю: с ним что-то не так. Он слишком худой. И походка слишком ровная для старика, страдающего артритом.

...потому что это не он.

Он бежит – ко мне, в сторону дома. К входу на веранду, где рваная сетка полощется и хлопает ветру.

...нет, не ветер ее порвал.

...какое же чудовище это сделало?

...жуткое, сгорбленное... гниющая кожа, черные глаза, извивающиеся языки...

Он открывает раздвижные двери и встает на пороге. И я понимаю, что успел вскочить на ноги, сам того не заметив.

– Ты кто такой? – спрашивает он негромко, но с напряжением в голосе.

И откидывает капюшон.

Передо мной мужчина средних лет. Подбородок острый – и особенно бросается в глаза из-за рыжей, аккуратно подстриженной бороды. Глаза не разглядеть за темными очками.

Стоять на ногах и видеть перед собой другого человека – это так странно, что я лишь краем сознания отмечаю другую странность: зачем ему солнечные очки в такую грозу?

Но я уже отвечаю ему, машинально:

– Якоб.

И только услышав себя, осознаю, что имя прозвучало неправильно.

– Я риелтор, – произносит он, и я сразу понимаю: врет. – Пришел закрыть окна от бури.

– Поздновато, – замечаю я.

Он переступает порог – медленно, словно пытаюсь не испугнуть настороженного зверька. Створки раздвижных дверей с шипением сходятся у него за спиной. Он окидывает взглядом контур, выжженный на полу, и снова переводит на меня глаза, скрытые за очками.

– Значит, это ты, – говорит он, и я невольно цепляюсь за край карточного стола, а человек подходит все ближе, стуча тяжелыми черными ботинками. – Джейкоб Портман.

Мое имя. Правильное, настоящее имя. Что-то выныривает с бульканьем из канавы, из темноты...

...жуткая пасть, раскрывшаяся среди клубящихся туч, громовым голосом произносит мое имя...

...девушка с черными как смоль волосами... такая красивая... рядом со мной, и я слышу ее крик...

– Думаю, ты знал одного моего приятеля, – говорит человек в темных очках. Улыбка его сочится ядом. – Он часто менял имена, но ты его знал как доктора Голана.

...жуткая пасть в облаках...

...женщина, корчащаяся в траве...

Образы врываются в мой разум – резко, без предупреждения. С трудом волоча ноги, отступаю, пока не чувствую, что уперся лопатками в стеклянную дверь. Человек в темных очках продолжает надвигаться и что-то достает из кармана. Какую-то черную коробочку с металлическими зубцами.

– Повернись спиной, – приказывает он.

Внезапно я понимаю, что все очень серьезно и надо защищаться. Я притворяюсь послушным и поднимаю руки, как будто показывая, что сдаюсь. Но как только он подходит достаточно близко, я с силой обрушиваю кулаки на его лицо.

Человек кричит. Темные очки отлетают в сторону, и я вижу его глаза – совершенно белые, как пара сваренных вкрутую яиц. Глаза убийцы. Я слышу громкий треск, и между зубцами черной коробочки, которую он держит в руке, проскакивает голубая искра.

Он бросается на меня.

Разряд тазера жалит меня сквозь рубашку и отбрасывает назад. Я влетаю спиной в стеклянную дверь. Почему-то она не разбивается.

Белоглазый уже сидит на мне верхом. Тазер посвистывает, перезаряжаясь для нового удара. Я пытаюсь сбросить с себя этого ужасного человека, но я сам еще не перезарядился до конца. Я все еще слишком слаб. Плечо и голова разрываются от боли.

Внезапно он дергается всем телом, испускает вопль и обмякает, а я чувствую, как по моей шее течет что-то теплое.

Это кровь. (Что, моя?)

Белоглазый хватается за что-то и начинает заваливаться набок. У этой штуки бронзовая рукоять, и она сантиметров на пятнадцать торчит из его шеи.

Позади него возникает странное темное пятно, живая тень. Она выбрасывает руку, хватая тяжелую дедушкину пепельницу и бьет белоглазого по голове. Тот испускает стон и падает. Из тени выступает девушка.

У девушки (я знал ее в Прошлом!) длинные черные волосы, спутанные и мокрые от дождя. Длинный черный плащ, весь в грязи. И бездонные черные глаза, расширенные от ужаса. Она всматривается мне в лицо, и в ее глазах вспыхивает узнавание.

Еще не все фрагменты мозаики встали на место, мысли по-прежнему мечутся между явью и бредом, но я понимаю,

что происходит чудо. Чудо, что мы живы. Чудо, что мы здесь, а не в том, другом месте.

Боже мой.

Там было так ужасно, что у меня нет слов.

Девушка совсем рядом. Она стоит рядом со мной на коленях. Наклоняется, обнимает. Я хватаюсь за нее как за спасательный круг. Какая она холодная! Чувствую, как она дрожит. Мы цепляемся друг за дружку, а она все твердит мое имя. Снова и снова. И каждый раз, как она повторяет: «Джейкоб!» – я чувствую, что Настоящее становится еще немного плотнее, еще чуточку реальнее.

– Джейкоб, Джейкоб! Ты меня помнишь?

Человек на полу снова стонет. Ему вторит алюминиевый каркас веранды. И свирепый ветер, который мы как будто принесли с собой из того, другого места, тоже стонет, как раненый зверь.

И я начинаю вспоминать.

– Нур, – говорю я. – Нур. Ты – Нур.

В тот же миг я вспоминаю все. Мы выжили. Выбрались из петли Ви, прежде чем та успела схлопнуться. И теперь мы во Флориде, на дедушкиной веранде, на старой синтетической траве, которую я помню с детства. В настоящем.

По-моему, я все еще в шоке.

Мы сидели на полу, крепко обнявшись, пока бившая нас обоих дрожь не начала стихать. Буря все так же ярилась. Че-

ловек в желтом дождевике лежал неподвижно – только его грудь вздымалась и опадала, но как будто все реже. Синтетическая трава под его головой промокла и потемнела от крови. Из шеи по-прежнему торчала бронзовая рукоять ножа, которым ударила его Нур.

– Это дедушкин нож для писем, – сказал я. – И вообще, это его дом. Он тут жил.

– Твой дедушка? – Она отодвинулась, но совсем чуть-чуть, только чтобы взглянуть мне в лицо. – Тот, что жил во Флориде?

Я кивнул. Стены задрожали от очередного раската грома. Нур оглядывалась вокруг, качая головой и не веря собственным глазам. «Не может быть», – читалось в ее лице. И я прекрасно понимал, что она сейчас чувствует.

– Но как?.. – пробормотала она.

Я ткнул пальцем в силуэт, выжженный на полу.

– Вот тут я очнулся. Понятия не имею, сколько был в отключке. И какой сейчас день.

Нур потеряла глаза.

– У меня тоже в голове все путается.

– А что последнее ты помнишь?

Нур нахмурилась, пытаясь собраться с мыслями.

– Мы пришли в мою старую квартиру. Потом мы куда-то ехали... – Она говорила медленно, будто пыталась сложить картину из обрывков ускользающего сна. – Потом мы оказались в петле... да, мы же нашли петлю Ви! А потом бежали

от бури... нет, от торнадо...

– От двух торнадо, если я ничего не путаю.

– А потом мы нашли ее саму! Правда ведь? Мы ее нашли! – Она схватила меня за руки и крепко сжала. – А потом...

Ее руки разжались, лицо застыло. Губы приоткрылись, но с них не слетело больше ни слова. Пережитые ужасы возвращались, обрушиваясь на нее страшным грузом. И на меня.

Мурнау с ножом в руке склоняется над телом Ви, распростертым на траве. Торжествующе вскидывает руку и бежит навстречу бушующему вихрю.

В груди стало жарко и тесно. Нур уткнулась лицом в колени и начала раскачиваться.

– О боже, – стонала она. – О боже, боже, боже!

Казалось, сейчас она растворится в воздухе, или вспыхнет огнем, или вберет в себя весь свет, до какого дотянется. Но она лишь резко подняла голову и посмотрела на меня:

– Почему мы все еще живы?

Я непроизвольно вздрогнул всем телом.

А кто сказал, что мы живы? Может, мы уже мертвы.

Вообще-то мы должны были погибнуть в схлопывающейся петле, как и рассчитывал Каул. Сама Нур была единственным осязаемым свидетельством того, что я все еще жив, а не падаю в туннель околосмертных воспоминаний, не наблюдаю последние, прощальные вспышки умирающего мозга.

Но нет! Я отогнал эту мысль. Нет. Мы здесь, и мы *живы*.

– Это Ви. Она успела каким-то образом нас вытащить, – предположил я. – И перебросить сюда.

– Должно быть, у нее в петле был аварийный выход, – кивнула Нур, сжимая и разжимая кулаки. – Что-то вроде катапульты. Это единственное объяснение.

Видимо, так и было. Катапульта, настроенная на дом моего деда – ее наставника и старшего друга. Того, кто учил ее и работал с ней в паре. Да, это возможно. Но все равно оставалось загадкой, как она это сделала, потому что здесь, на другом конце переброски, петли не было.

– Если она вытащила нас, – продолжала Нур, – то, может, ей и самой удалось выбраться. – В ее голосе зазвучала надежда, но какая-то безумная, балансирующая на лезвии ножа. – Может, она тоже здесь. И, может, она еще...

«Еще жива», – хотела она сказать, но не смогла заставить себя это выговорить.

– Он забрал ее сердце, – тихо сказал я. – Без сердца жить невозможно. Ну, разве только пару секунд...

Нур взмахнула рукой, чтобы я замолчал. Ее рука тряслась. Мы только-только опомнились, а она уже опять норовила ускользнуть в фантазии!

– Пойдем, пойдем! Нужно поискать. – Нур уже стояла на ногах и тараторила, не давая вставить ни слова. – Если есть хоть какой-то шанс, пусть даже крошечный, мы должны...

– Да погоди ты, мы же не знаем, что там...

«Что там внутри», – хотел сказать я.

Что может поджидать нас там, внутри...

Но она уже вбежала в дом, погруженный во тьму.

Я оперся рукой о стену и кое-как встал, пошатываясь. Нур не в себе, нельзя упускать ее из виду. Безумная надежда, что Ви жива, помогла ей встряхнуться, прогнать отчаяние, грозившее уничтожить ее разум. Но я боялся, что удар окажется вдвое страшнее, когда надежда неминуемо разобьется вдребезги. А допустить, чтобы Нур Прадеш сломалась, я не мог.

Если гнусная затея Мурнау увенчалась успехом, если то, что у меня на глазах материализовалось в вихре торнадо, было реальным, – а это было лицо Каула, это был его голос, раздиравший тучи громом, – если он действительно вернулся живым и невредимым, значит, все те ужасные события, о которых говорило пророчество, начинают сбываться. Значит, весь мир странных людей стоит на краю гибели. Одному богу известно, на что теперь способен Каул – после того, как он поглотил один из самых могущественных сосудов в Библиотеке Душ, а потом погиб под ее обломками и снова воскрес.

Родился заново.

«Теперь я – живая Смерть, разрушитель миров»...

Но что бы там ни было, одно я знал наверняка: Нур Прадеш нужна этому миру. Она – одна из семерых. Из тех семерых странных, чье рождение предсказано, – из тех, кто может спасти мир странных людей (от Каула?) и *запечатать дверь* (какую еще дверь? Врата ада?). И как бы дико это все

ни звучало, другие, не менее причудливые части Пророчества Семи уже сбылись. Больше я в нем не сомневался. И не пытался отрицать очевидное.

Это не сон и не последние грезы угасающего сознания. Я окончательно в этом убедился, когда вошел в раздвижную дверь и очутился в гостиной. Дом был такой же, как пару недель назад, когда мы заезжали сюда с друзьями: прибранный на скорую руку и почти опустевший. Книги, которые не выбросил мой отец, снова расставлены на полках; мусор с пола собран в черные пластиковые мешки. Застоявшийся, затхлый воздух.

Нур металась из угла в угол в поисках Ви. Сорвала с дивана пыльное покрывало, потом сама бросилась на диван и стала заглядывать за спинку. Я перехватил ее у окна и попытался остановить: «Нур, Нур, подожди...» – но тут опять грянул гром, так оглушительно и внезапно, что мы подпрыгнули. За окном виднелось размытое пятно лужайки, дальше – замусоренный двор. По ту сторону дороги стояли дома – такие же темные, как дедушкин, с заколоченными окнами. Поселок будто вымер.

Ни одной живой души.

– Эта тварь, возможно, была не одна, – сказал я. – В любой момент могут объявиться ее дружки.

– Пускай приходят, – глаза Нур были как осколки льда. – Я не уйду, пока не обыщу весь дом. Каждую комнату. Каждый закоулок.

— Я тоже, — кивнул я.

В спальне никого не оказалось. Даже под кроватью. Вставать на четвереньки, чтобы заглянуть туда, было как-то глупо — словно мы дети и проверяем, не прячется ли под кроватью бука, — но я все равно это сделал. На коврике остался прямоугольный след от старого ящика из-под сигар. Тот ящик я нашел уже после смерти деда. Он был набит фотографиями, которые навсегда изменили мою жизнь. Но Ви под кроватью не было, ни мертвой, ни живой.

В чулане тоже. И в ванной. Нур сорвала занавеску с душевой кабинки, но за ней не оказалось ничего, кроме бруска засохшего мыла.

В гостевой спальне — тоже ничего, только штабель пустых коробок да пятна черной плесени на ковре. Я кожей чувствовал, как Нур впадает в отчаяние. Когда мы добрались до гаража, она закричала, окликая Ви, и у меня чуть сердце не лопнуло от жалости. Я включил свет.

Мы окинули взглядом гараж — груды всякой бесполезной всячины, какие-то сломанные вещи, которые дедушка начал чинить, да так и не закончил. Две стремянки, в обеих не хватает ступеньки. Старый громоздкий телевизор с экраном, покрытым сетью трещин. Мотки веревки и проводов. Дедушкин верстак, заваленный инструментами и журналами по столярному делу. Передо мной будто встал призрак деда, а рядом, плечо к плечу с ним, — мой. Вот мы стоим в круге света от настольной лампы, натягивая красные нитки между

канцелярскими кнопками, воткнутыми в карту... Мальчик пока еще думает, что это просто игра, занятная сказка.

Дверь гаража затряслась, задрезбуждала под напором бури, выдернув меня из воспоминаний. Вернувшись в настоящее, я уставился на дедушкин сейф для оружия – единственное место во всем гараже, где мог бы спрятаться человек. Нур меня опередила: подбежав к сейфу, она уже дергала за ручки. Дверцы приоткрылись на пару сантиметров и замерли. Между ними я увидел туго натянувшуюся цепочку. Кто-то – наверняка это был мой отец – навесил на сейф замок. Мы заглянули в щель, но не заметили ничего интересного – только ряд винтовок, блестящих от масла. Оружие, которое могло бы спасти деду жизнь, если бы я не забрал ключ.

Внезапно Нур отшатнулась от щели, развернулась и, ни слова не сказав, бросилась обратно в дом. Я бежал за ней до самого кабинета – единственной комнаты в доме, которую мы еще не осмотрели. Это здесь Оливия топала свинцовыми ботинками и обнаружила место, где шаги отдавались гулко. Здесь под ковром нашелся люк, ведущий в бункер под полом. Бункер, о котором Ви, скорее всего, знала – и, возможно, даже знала код от люка.

Я попытался сказать об этом Нур, перекричать ее («Ты тут? Мама, ты где?») и рев бури, нараставший за стенами, но она меня не слышала и не видела. Отодвинув письменный стол Эйба, она бросилась к крохотному чуланчику в дальнем конце комнаты и с грохотом распахнула дверцу. Я сдался и

сам принялся скатывать в рулон тяжелый ковер. Где-то здесь был люк, но я так нервничал, что никак не мог сообразить, где он находится.

В кабинете Ви не было. Здравый смысл подсказывал, что и в бункере ее не окажется. Разве она стала бы укрываться в тайнике, а нас оставлять снаружи? Так что, когда Нур бросилась вон из кабинета, я встал и побежал за ней.

Догнал ее я только в гостиной. Нур неподвижно застыла посреди комнаты, тяжело дыша и нахмутив брови. Увидев меня, она помахала рукой – подойди ближе.

– Что, если мы перенеслись все вместе как одно целое? – тихо сказала она, сосредоточенно уставившись куда-то в угол комнаты. – И оказались здесь на том же расстоянии друг от друга, как там, на веранде у Ви? – Она подняла руку. – Вон там. Там я очнулась. – Нур указывала в угол, где стояло потертое дедушкино кресло. На полу рядом с креслом виднелся выжженный силуэт, размерами примерно с Нур. – А ты очнулся там. – Она ткнула пальцем на дверь, выходящую на веранду, где мой собственный выжженный силуэт уже размывала кровь, натекая из горла твари. – На веранде у Ви мы с тобой были точно на таком же расстоянии друг от друга, – продолжала Нур. – Ты был прикован к перилам вон там, а я – тут.

Сердце мое забилося быстрее, словно в предчувствии озарения.

– А Ви лежала там, на траве!

Мы повернули головы одновременно. Там, за сетчатой дверью веранды, раскинулся двор, заросший травой... высокой травой... а дальше начинался лес, и именно там, на окраине леса, человек в желтом дождевике остановился и посмотрел себе под ноги.

– Она там! – выдохнул я.

Мы вышли из ступора и ринулись наружу, под бушующий ливень.

Глава вторая

Тело Ви выглядело так, словно земля уже поглотила его, но потом почему-то решила выплюнуть. Она лежала в траве как изломанная кукла: руки раскинуты, ноги вывернуты под неестественным углом. Седые волосы сбились грязными колтунами, красная шерстяная кофта и черное платье промокли насквозь от крови и дождя. Одна туфля куда-то подевалась, и при виде заштопанного шерстяного носка у меня мелькнула дурацкая мысль о злой колдунье из «Волшебника страны Оз» – той самой, которую раздавило домиком. На этом я и сосредоточился. На всем, что мог вспомнить из того старого фильма, больше похожего на наркоманский бред. На полосатом носке, который уже почти протерся на большом пальце...

...интересно, сколько раз она его иштопала?..

Но мысль неизбежно пошла дальше.

...эта черная дыра, зияющая в груди...

...вещь...

...теперь она – просто вещь...

...открытый рот... полный рот воды...

...езде хорошо, а дома лучше...

Нур плакала. Она склонилась над телом Ви, и волосы падали на лицо, так что слез я не видел, но слышал всхлипы. Я попытался обнять ее, Нур отшатнулась.

– Это все из-за меня, – прошептала она. – Это моя вина... моя вина...

– Нет, – сказал я и сделал вторую попытку, более удачную. – Ты ни в чем не виновата.

– Я виновата, – возразила она шепотом. Я прижимал ее к себе все крепче и крепче, но ее по-прежнему была дрожь. – Она спокойно жила в этой петле все эти годы! Она была в безопасности. А потом я привела к ней этого человека! Это я его впустила, я провела его через все ловушки...

– Ты же не знала! Откуда тебе было знать?

– И она погибла. Погибла... из-за меня.

«Из-за нас», – подумал я, но говорить этого вслух не собирался. Нужно было вырвать у нее из головы эту ядовитую мысль, пока та не пустила корни, иначе Нур просто сломается. Я знал это по опыту: когда-то я и сам имел дело с таким же ядом.

– Перестань. Это неправда.

Я старался говорить спокойно и рассудительно, но делать это, стоя над телом Ви, было непросто.

– Я просто хотела разыскать ее. Господи... я просто хотела снова увидеться с ней! – голос Нур дрогнул.

– Ты ни в чем не виновата!

– ХВАТИТ! НЕ ХОЧУ ЭТОГО СЛЫШАТЬ! – Нур вырвалась из моих объятий и толкнула меня в грудь так резко, что мне пришлось сделать шаг назад. А потом тихо добавила: – Мне от этого хочется умереть.

Я не нашел, что сказать, и просто кивнул. Что ж...

Дождь хлестал нам в лицо, капли стекали с подбородка. Слышно было, как под натиском ветра скрипит и стонет старый дом.

– Оставь меня на минуту, – сказала Нур.

– Нужно перенести ее внутрь.

– Оставь меня на минуту, – повторила она.

Я уступил. Отвернулся и пошел к лесу. Каждый шаг давался с трудом – ветер словно пытался отогнать меня обратно к дому. Я старался не думать о том, как глупо торчать под открытым небом в такую погоду. Вместо этого я стал думать о дедушке – о том, как и где он погиб... Где-то здесь, в этом лесу, совсем рядом. О странном совпадении, по которому тело его погибшей ученицы тоже оказалось здесь. За всю жизнь я лишь однажды видел деда плачущим, но точно знал, что он и сейчас бы заплакал. В груди опять стало жарко – жар пробрал до самых костей. Казалось, еще чуть-чуть, и среди черных, качающихся на ветру деревьев я увижу его призрак, услышу его стон: «Велия, Велия! Нет! Только не ты!»

Я оглянулся. Нур стояла на коленях над телом Ви, вытирая грязь с ее лица, распрямляя изломанные конечности. Нур, нашедшая Ви только для того, чтобы потерять ее вновь – и теперь уже навсегда. Нур, которая будет винить себя за это всю жизнь, сколько бы я ни пытался разубедить ее. Но ведь точно такая же вина лежала и на мне. Мы оба свая-

ли дурака, оба попались на одну удочку. Наверняка Ви тоже скучала по своей приемной дочери, но она не пыталась искать ее, потому что знала: это небезопасно, в первую очередь – для самой Нур. Я вспомнил, какими словами Ви ее встретила: «Какого дьявола ты здесь делаешь?»

Наша ошибка стоила ей жизни. И, хуже того, воскресила того самого демона, чьего возрождения мы так старались не допустить. Вина и впрямь лежала на нас – и была огромна. Нужно было хоть как-то ее искупить, а значит, горевать нет времени.

Очередной порыв ветра едва не сбил меня с ног. С той стороны дороги донесся оглушительный треск, я невольно повернул голову – и увидел, что с соседского дома сорвало часть крыши.

Я снова посмотрел на Нур. Она все так же стояла на коленях, запрокинув голову, словно в молитве.

«Еще минуту», – сказал я себе. Всего минуту. Пусть попросится как следует. Или попросит прощения. Кто знает, что нас ждет впереди? Может, нам не удастся даже похоронить Ви по-человечески. Одна минута ничего не решает, а так у Нур будет шанс примириться с тем, что случилось, или не до конца утонуть в этом ядовитом болоте. А потом мы сможем... что? Я так потерялся в обрушившихся на нас ужасах и бедах, что до этой секунды и не задумывался, что мы будем делать дальше. Нужно чем-то накрыть тело Ви. Перенести его в дом. Предупредить друзей и союзников, как-то

связаться с ними... если только Каул нас не опередил. В двери моего разума скреблись когтями тысячи кошмаров, но я не имел права их впустить.

Нур замерла и больше не двигалась. Буря набирала силу. Больше нельзя было терять ни минуты.

Я направился к ней, но не успел пройти и нескольких шагов, как живот скрутило, точно от удара. Я упал на колени и, задыхаясь, начал шарить в траве – искать, что же такое меня ударило. Ничего не находилось. И тут второй удар снова вышиб из меня дух и растекся болью по всему телу. Я узнал эту боль.

– Что с тобой? Тебе плохо?

Нур стояла на коленях, но уже не над телом Ви, а над мной. Я почувствовал ее ладонь под затылком – видно, она пыталась приподнять мою голову. Я хотел ответить, но смог только пробормотать что-то невнятное. Я думал о том, что меня ударило... вот только удар был нанесен не снаружи, а изнутри. Это было чувство, с которым я не раз уже сталкивался, – и оно продолжало нарастать, теперь уже не причиняя боли, но вынуждая обернуться и посмотреть в сторону леса.

– В чем дело? – повторяла Нур.

Внезапно перед глазами мелькнула картина: жуткое полуразложившееся создание с черными дырами вместо глаз, похожее на гигантского паука, ломится к нам через подлесок.

– Человек в желтом, – прохрипел я, обшаривая глазами

опушку и чувствуя, как бешено колотится сердце.

– Что?

Она почувствовала, что его больше нет. Почувствовала, что ее хозяин умер.

– Он был не один.

* * *

Я подумал про оружие в гараже, но тут же вспомнил, что сейф заперт. Значит, пользы от него сейчас не больше, чем в ту ночь, когда погиб мой дед. Оставался только один выход – за исключением попытки бежать, что было бы бесполезно, или решения встретить угрозу лицом к лицу, что, без оружия, было бы чистым безумием.

– В доме есть бункер. – Я поднялся на ноги, схватил Нур за руку и потащил к веранде. – В кабинете, под ковром.

Мы уже были на середине пути, как она вдруг остановилась – и мне тоже пришлось.

– Без нее я не пойду.

Я понял, что она говорит о Ви.

– В лесу рыщет пустота.

И только сказав это, я сообразил, что до сих пор не произносил этого слова. Не называл угрозу по имени. Я снова потянул Нур за собой, но она словно выросла в землю.

– Я видела, что они делают с такими, как мы. Особенно с мертвыми. Сердце у нее уже забрали. Я не допущу, чтобы

забрали и глаза.

Она больше не дрожала, и голос звучал ровно и уверенно. Я понял, что спорить бессмысленно.

Нур взяла Ви за руки, я – за ноги. Ви была некрупной женщиной, но из-за промокшей одежды казалась такой тяжелой, словно ее нагроулили камнями. Мы кое-как дотащили тело до веранды и пронесли мимо мертвой твари в дом, оставляя за собой дорожку грязи. Мы опустили ее на пол в кабинете, рядом со скатанным ковром. Я чувствовал, как колеблется стрелка моего внутреннего компаса, пытаюсь обнаружить пустоту, которую я пока видел только мысленным взором. Наверняка можно было сказать только одно: она приближается. И еще: она вне себя от ярости. Я чувствовал ее гнев, словно уколы раскаленным ножом.

Я упал на колени и принялся молотить кулаками по полу, пока из-под одной доски не отозвалось гулкое эхо. Я попросил Нур принести что-нибудь, чем можно подцепить крышку люка, начал ощупывать половицы и вскоре отыскал потайную петлю. В ту же секунду вернулась Нур и протянула мне окровавленный нож для писем. Тот самый нож с бронзовой рукоятью, который торчал из шеи мертвой твари. В моих ушах зазвучал голос мисс Сапсан: «До чего полезная вещица! Сколько неожиданных применений ей можно найти!» Я воткнул нож в щель между досками и откинул крышку, которая выглядела точь-в-точь как участок пола три на три фута. Под ней обнаружилась бронированная дверь бункера.

Нур смотрела на нее без малейшего удивления. У Ви имелась целая потайная петля – по сравнению с этим примитивный подземный тайник не стоил внимания.

Дверь была заперта на цифровой замок. Я начал было набирать код, но вдруг понял, что ничего не помню.

– Ты почему не набираешь? – спросила Нур.

Я уставился на панель с цифрами и буквами.

– Это не день рождения... это какое-то слово...

Нур раздраженно потерла щеку, но ничего не сказала.

Я зажмурился и постучал сам себя по лбу.

– Какое-то слово. И я его знаю.

Игла внутреннего компаса вдруг задержалась, а потом замерла неподвижно. Я чувствовал, как пустота ломится через лес и уже почти добралась до опушки. Я открыл глаза и уставился на цифровую панель, пока кнопки не слились в одно большое пятно. *Какое-то слово на польском. Что-то маленькое...*

– Бога ради, скорее! – сквозь зубы прошипела Нур. – А я сейчас...

Она метнулась за дверь и через несколько секунд вернулась с темно-коричневым одеялом, которое явно сдернула с дедушкиной кровати. Этим покрывалом она накрыла тело Ви.

Тигр! Точнее, *маленький тигр. Тигренок*. Так он меня называл. Но как же это будет на польском?

Нур перевернула тело, заворачивая его в покрывало. Му-

мия в саване из микрофибры. И тут я, наконец, вспомнил и стал быстро нажимать на кнопки.

Т-и-г-р-и-с-к-у.

Замок щелкнул. Я понял, что снова могу дышать.

Я откинул тяжелую дверь, и она ударилась о доски с грохотом ружейного выстрела.

– Слава богу! – выдохнула Нур.

Лестница уходила во тьму. Мы придвинули тело Ви к самому краю люка. Придерживая его за лодыжки, я спустился на три перекладины, но Ви была слишком тяжелой: в одиночку не поднять. Да и вдвоем аккуратно спустить ее по лестнице мы бы не смогли.

С веранды донесся громкий металлический скрежет: то ли ветер сорвал сетку, то ли пустота уже совсем рядом.

– Придется просто сбросить ее вниз, – сказал я. – Извини.

Нур ничего не ответила, только кивнула и сделала глубокий вдох. Я мысленно извинился перед Ви за то, что мы сейчас сделаем, и отпустил сверток с телом. Он рухнул в темноту и ударился о пол бункера: треск был такой, словно все кости переломались. Нур поморщилась, я невольно вздрогнул, и мы стали спускаться вниз.

Нур захлопнула за собой крышку люка. Та гулко лязгнула и автоматически закрылась на замок, а мы очутились в полной темноте. Снаружи снова донесся грохот, а за ним – громкий вой, который уже невозможно было спутать с завываниями ветра. Я добрался до нижней перекладины, чуть не

споткнулся о тело Ви и стал ощупывать бетонную стену в поисках выключателя.

На стенах бетонного туннеля замигали зеленые флюоресцентные лампы. Я боялся, что в такую бурю электричество отключится, но, к счастью, все работало. Дед наверняка подумал о запасном генераторе.

И снова грохот, на сей раз уже где-то в доме. Стены бункера отразили и усилили звук.

– Думаешь, пустота сюда не доберется? – спросила Нур, с тревогой глядя на крышку люка.

– Думаю, нет.

– Уже проверяли?

Пустота принялась колотить по крышке. Каждый удар был словно раскат колокола.

– Наверняка.

Это была неправда. Если бы пустоты разнюхали, где живет дедушка Портман, – я имею в виду, если бы это случилось не в прошлом году, а раньше, – ему пришлось бы перевезти всю семью в какое-нибудь надежное убежище. И он бы никогда сюда не вернулся. Так что этот бункер, построенный лет сорок назад, впервые подвергался испытанию на прочность.

– Но лучше отойдем от лестницы, – добавил я. – На всякий случай.

Командный пункт в глубине бункера оставался таким же, каким я его запомнил. Комнатушка футов двадцать длиной. Вдоль одной стены – металлические койки, к другой привинчен шкаф с припасами. Биотуалет. Древний, громоздкий телетайп, похожий на гибрид принтера и факса, на таком же громоздком деревянном столе. Но первым в глаза бросался перископ на металлической трубе, спускавшейся с потолка, – такой же, как в доме Ви.

Позади остался длинный бетонный коридор, но грохот ломающейся мебели долетал и сюда. Наверху бушевала пустота. Я постарался не задумываться о том, что она натворит в доме... и особенно – о том, что сделает с нами, если все-таки доберется сюда. На свой талант укротителя пустот я сейчас не рассчитывал. Лучше всего переждать здесь. К тому же какое-то странное суеверие подсказывало, что не стоит сражаться с пустотой в этом доме, где другая такая же убила моего деда. Лучше не искушать судьбу.

– Вижу только высокую траву, – сообщила Нур, глядя в перископ и медленно поворачивая трубу. – Никто не удосужился подстричь лужайку, так что система наблюдения, считай, не работает. – Она оторвалась от окуляров и посмотрела на меня. – Здесь оставаться нельзя.

– Выйти тоже нельзя, – возразил я. – Эта пустота вывернет

нас наизнанку.

– Нет, если мы найдем что-нибудь, чем ее можно убить. – Нур подошла к шкафу, открыла дверцу и стала осматривать полки, набитые всевозможными припасами. Консервы, медикаменты... но ничего, что можно использовать как оружие.

– Оружия тут нет. Я проверял.

Нур зарылась в шкаф еще глубже, разгребая ряды консервных банок и с грохотом сбрасывая их на пол.

– В гараже было столько винтовок, что хватило бы на всю стрелковую ассоциацию Америки! Не может быть, чтобы твой дед не припрятал что-нибудь такое и в бункере!

– Как видишь, может.

Я подошел, чтобы помочь ей, хотя и понимал, что это бессмысленно. Отодвинул стопку оперативных журналов, справочников и других книжек, чтобы посмотреть за ними.

– Что за черт! – Обыскав шкаф сверху донизу, Нур выпрямилась и швырнула на пол банку консервированных бобов. – Но все равно, мы не можем просто сидеть тут и ждать непонятно чего.

С тех пор как мы вернулись в дом, она оставалась удивительно собранной, но сейчас я вновь услышал в ее голосе подступающую панику.

– погоди минуту, – сказал я. – Мне надо подумать.

Я плюхнулся в кресло-качалку. Разумеется, из бункера был и другой выход – по второму туннелю, который вел к

фальшивому дому по ту сторону дороги. И там, в гараже, все еще должен был стоять белый «шевроле-каприс». Но пустота может услышать, как мы заводим мотор, и помчаться на звук. Тогда мы и на дорогу выехать не успеем. Но, что еще важнее, сейчас я был совершенно не способен на подвиги и не чувствовал, что смогу идеально исполнить серию сложных задач, которую подразумевал подобный план побега.

Грохот стоял такой, словно в доме кто-то работал отбойным молотком.

– Может, ей надоест и она сама свалит, – сказал я, отчасти в шутку.

– Никуда она не свалит. Разве только за подкреплением. – Нур принялась мерить шагами тесную комнатуху. – Может, она уже зовет своих.

– Не думаю, что пустоты носят с собой мобильники. И подкрепление им ни к чему.

– Но что она тут делает? Откуда вообще взялись эти тварь и пустота и что им понадобилось в доме твоего деда?

– Ну, это понятно. Они поджидали нас. *Или кого-то еще.* Нур оперлась спиной о койку, вздыхая и хмурясь.

– Я-то думала, что всех тварей уже переловили, кроме Мурнау. И что пустоты почти все мертвы.

– Имбрины говорили, что некоторые еще прячутся по норам. Возможно, их больше, чем мы считали.

– Ну, если и так, то эти двое явно выползли из норы. А значит, кто-то призвал их и дал задание. А значит...

– Этого мы знать не можем, – перебил я, не желая развивать логическую цепочку. – Если подумать, то мы вообще ничего не знаем!

Нур расправила плечи и, глядя мне в лицо, сказала:

– Каул вернулся, так? Мурнау добился своего. Вытащил его из... в общем, оттуда, где он сидел.

Я покачал головой, отводя взгляд.

– Не знаю. Возможно.

Нур съехала на пол, опираясь спиной на столбик кровати, подтянула колени к груди.

– Я его почувствовала, – сообщила она. – За секунду до того, как отрубилась. Это было... как будто меня накрыло ледяным одеялом.

Вот так-то. Она его почувствовала – а я *увидел*. *Увидел его лицо в сердце бури*. Но все равно повторил:

– Мы ничего не знаем наверняка.

Я действительно не был до конца уверен. Ну и вообще, это было так ужасно, что признавать правду просто не хотелось – до тех пор, пока есть малейшая возможность отрицать.

Нур склонила голову набок – с таким видом, словно ее посетила какая-то интересная мысль. Секунду спустя она уже стояла на ногах и рылась в кармане.

– Вот! Я нашла это в руке у Ви, когда заворачивала ее в одеяло. Она держала эту штуку, когда ее убили.

Я тоже встал, и Нур протянула мне что-то на ладони. Эта штука была похожа на сломанный секундомер. Ни стрелок,

ни цифр. На шкале – странные символы вроде рун. Стекло треснувшее и чуть закопченное, словно эту вещь роняли в огонь. Я взял ее и удивился, до чего она тяжелая. На обороте обнаружилась надпись на английском:

Для одноразового употребления.

Обратный отсчет – 5 минут.

Сделано в Восточной Германии.

– Это и есть та самая катапульта, – прошептал я, вздрогнув то ли от восторга, то ли от ужаса.

– Наверное, она была у нее в кармане, когда мы появились, – сказала Нур. – Наверное, она что-то предчувствовала.

Я закивал:

– Да! Или, может, она всегда ее с собой носила. Чтобы выпрыгнуть из петли в любой момент, если понадобится.

– Вот только сработала эта штука не сразу. Видишь: обратный отсчет – пять минут. Так что даже если она нажала кнопку сразу, как только увидела Мурнау...

Нур умолкла, глядя мимо меня – на стену или, вернее, в пустоту.

– Сработала достаточно быстро, чтобы спасти нас, – проговорил я. – Но недостаточно быстро для Ви. – Со вздохом я отдал секундомер обратно. – Мне очень жаль.

Нур всхлипнула, но тут же взяла себя в руки и покачала головой.

– Не понимаю. Она была очень предусмотрительной. Всегда все планировала заранее. И у нее были годы! Годы, чтобы разработать план на случай вторжения. У нее была эта катапульта. И полный дом оружия. Да, ее застали врасплох – из-за меня, – но я зуб даю, что и на этот случай у нее тоже был план.

– Нур, послушай... Мурнау выстрелил ей в грудь. Какой может быть план на такой случай?

– Да пойми же, она нарочно подставилась! Если бы она успела выпрыгнуть из окна или что-то в этом духе, он убил бы одного из нас, а другого взял в заложники. Поэтому она и позволила себя застрелить.

– Но ее сердце было в списке ингредиентов для воскрешения Каула! Она ведь наверняка это знала! По-моему, она и заперлась в этой петле для того, чтобы твари не смогли добыть ее сердце. Пожертвовать собой ради нас – это значило бы поставить под удар весь странный мир.

– Наверное, она надеялась, что мы остановим Мурнау. – Нур потерла стекло секундомера большим пальцем, счищая копоть. – Но мы не смогли.

Я начал возражать, но она меня перебила:

– Слушай, это все бесполезно. Теперь уже ничего не поделаешь. Остается только предупредить остальных. Нужно вернуться в Дьявольский Акр и рассказать всем, что случилось. И как можно скорее.

Ну наконец! Хотя в чем-то мы с ней пришли к одному

мнению.

– И я даже знаю как, – сказал я. – На заднем дворе дома моих родителей есть карманная петля. Она напрямую связана с Панпитликумом, а значит, и с Акротом. Вот только до нее еще нужно добраться – это на другом конце города.

– Значит, нужно идти. Немедленно.

– И это при условии, что она все еще действует, – добавил я.

– Думаю, мы сразу все пойдем на месте.

Внезапно раздался громкий металлический скрежет. Перископ завертелся сам по себе, рванулся вверх и, ударившись о потолок, разлетелся вдребезги. Мы пригнулись, прикрывая головы от осколков.

– Теперь мы точно не сможем увидеть, что там снаружи, – заметила Нур.

– Она, должно быть, в ярости, – сказал я. – И явно не собирается уходить.

– Значит, придется положиться на удачу.

– Рискнуть своей жизнью я могу, – сказал я. – Но если Каул действительно вернулся, мы не можем рисковать тобой.

– Ох, перестань...

– Нет! Пожалуйста, выслушай меня. Если пророчество не врет – а мы уже знаем, что оно правдиво хотя бы отчасти, – тогда вся надежда только на тебя.

– А, ты насчет семерых... – Нур нахмурилась. – Я и еще шестеро. О которых неизвестно даже...

– Сейчас ты в безопасности, – продолжал я. – И мы должны защищать тебя любой ценой. Ви не для того пожертвовала собой, чтобы ты закончила свои дни в желудке пустоты! Неизвестно, сколько мы провалялись без сознания. Несколько часов, а может, и дольше. Так что, прошу, давай подождем еще пару минут – это ничего не изменит. Вдруг эта гадина устанет и решит передохнуть? Тогда мы сможем что-то сделать.

Нур скрестила руки на груди.

– Отлично. И все-таки должен же быть способ предупредить остальных, пока мы тут прохлаждаемся! Телефон тут есть? Или радио? – Она завертела головой, оглядывая комнату. – А что это за штука у тебя за спиной?

Она имела в виду телетайп, громоздившийся на столе.

– Старье, – отмахнулся я. – Ему место в музее.

– А связаться по нему с кем-нибудь можно?

– По-моему, уже нет. Раньше при помощи таких штук поддерживали сообщение между петлями, но они всегда были ненадежными...

– Попробовать стоит! – Нур села в кресло-качалку и склонилась над клавиатурой, словно отпиленной от древнего факса. – Как оно включается?

– Понятия не имею.

Она дунула на клавиатуру, подняв облако пыли, и ткнула пальцем в первую попавшуюся кнопку. Монитор оставался темным. Тогда Нур перевернула клавиатуру и, не глядя, на-

щупала выключатель. Раздался треск помех, а секунду спустя на экране замигал янтарно-желтый курсор.

– Черт подери! – воскликнул я. – Работает!

На черном экране появилось слово. Одно-единственное светящееся слово в самом верху:

Команда:_____

Нур присвистнула:

– Ух ты, ну и старье!

– Я предупреждал.

– А мышь где?

– Думаю, ее тогда еще не изобрели. Оно хочет, чтобы ты что-то напечатала.

«Предупредить», – напечатала Нур.

Машина огорченно запищала.

Команда не распознана.

Нур нахмурилась и сделала еще одну попытку: «Почта».

Команда не распознана.

– Попробуй набрать «директория», – посоветовал я.

Она попробовала. И попробовала еще много всякого – «сообщение», «корень», «помощь», «петля»... Все было без

толку.

Нур откинулась на спинку кресла.

– Наверное, не стоит надеяться, что у твоего деда где-то завалялось руководство.

Я подошел к шкафу и начал перебирать книги. По большей части они были самодельные – просто толстые тетради на пружинках. Попалось несколько старых оперативных журналов, и я пообещал себе, что когда-нибудь обязательно их прочитаю. Между потрепанной брошюрой под названием «Итак, вы решили построить укрытие от пустот?» и парочкой шпионских романов, которые дед почитывал на досуге, обнаружилась тетрадь, на ламинированной обложке которой, под маленькой эмблемой в виде птицы, я увидел четыре красные буквы: Т.Д.С.Л.

Такую же аббревиатуру я встречал в некоторых изданиях «Историй о странном и неизведанном». Она означала «Только для странных людей».

Я раскрыл тетрадь. На титульной странице было написано:

Пневматический телетайп «Синдрисофт».

OS 1.5. Руководство по эксплуатации.

SYNDRISOFT

PNEUMATIC TELEPRINTER

OS 1.5

OPERATING INSTRUCTIONS

W. F. G. 8/2/85

93051002_01

SO YOU WANT TO

Build a Hollowgast Shelter?

Revised and Updated Edition

NOT FOR CIRCULATION

F.P.E.O.

– Нур! Я нашел! – заорал я так громко, что она вздрогнула от неожиданности, и я сам удивился, чего это я так обрадовался. Этот аппарат наверняка отключен от сети, когда-то связывавшей его с другими такими же.

Мы сдвинули тяжелую клавиатуру, освободив немного места на столе, и начали листать руководство. Над нашими головами по-прежнему бушевала пустота – двадцать футов земли и железобетона не могли полностью заглушить ее рев и грохот ударов. Интересно, много ли останется от дома после того, как она, наконец, уgomонится?

Стараясь не думать об апокалипсисе, который творился наверху, мы углубились в инструкции. В оглавлении нашелся раздел «Коммуникации и связь». Я долистал до нужной страницы и стал читать вслух – а Нур снова потянулась к клавиатуре.

– Попробуй набрать «Исходящие коммуникации», – сказал я.

Нур набрала. «Исходящие коммуникации недоступны», – ответил нам телетайп.

Я прочел вслух еще несколько команд.

«Запросить исходящие сообщения», – попробовала Нур.

Курсор помигал пару секунд, перескочил на несколько строчек вниз и снова замер.

– Черт побери! – выругалась Нур.

– Все равно надежды было мало, – заметил я. – Этой шту-

кой уже лет сто не пользовались.

Нур хлопнула ладонями по столу и вскочила на ноги.

– Мы больше не можем тут торчать. Надо что-то делать. По доброй воле эта пустота нас отсюда не выпустит.

Я уже и сам начал склоняться к мысли, что она права: пустота никуда не уйдет, а те, кто послал сюда тварь в желтом дождевике, рано или поздно отправят кого-нибудь еще – выяснить, что с ней случилось. Каждая минута, проведенная здесь, под землей, – это минута, украденная у наших союзников в Акре. Минута, которую можно было бы потратить на разработку планов – планов спасения или обороны от того, что готовит нам Каул. Если я спасу Нур, но заплачу за это жизнями остальных друзей, которых не успею предупредить о грядущей атаке, будет ли это победой?

Может быть. Если смотреть на вещи с самым холодным и трезвым расчетом, на какой я только способен, то Каул – это угроза не только для моих друзей, но и для всего странного мира. И не только странного. Он может уничтожить весь мир вообще.

С другой стороны, мои друзья – это мой мир...

Я уже открыл рот, чтобы крикнуть: «Да пошло оно все!...» – как Нур пробормотала:

– Ни фиги себе!

Она подбежала к столу и наклонилась над древним монитором. На экране сами собой вспыхивали янтарные буквы. Короткая строчка, а под ней – еще одна:

Обнаружена угроза.

Активировать защиту дома? Да / Нет

Нур не стала ждать, не стала спрашивать моего мнения. Ее указательный палец опустился на клавишу: ДА.

Экран почернел. Я подумал, что он вырубился, но нет – курсор появился вновь, а экран под ним заполнился значками и буквами.

WOODS

F12

Это была схема дедушкиного дома, вычерченная скудными средствами старой символьной графики.

Схема была разделена на двенадцать зон, помеченных обозначениями от f1 до f12. Восемь из них приходилось на дом, четыре – на двор. Вероятно, пометки соответствовали двенадцати функциональным клавишам на клавиатуре. Курсор выжидающе мигал в самом низу экрана.

– Интересно, что делает эта защита? – спросила Нур. – Стреляет огненными шарами? Открывает ямы-ловушки?

– В таком-то захолустье? – усомнился я. – Не думаю, что деду была по карману *настолько* крутая техника.

Нур пожала плечами.

– Ладно, давай проверим. – Палец ее замер над рядом функциональных клавиш. – Эта пакость все еще прямо над нами?

Я чувствовал, что пустота близко, но определить точное местоположение не мог. Подойдя к перископу – к тому, что от него осталось, – я потянул его обратно вниз и заглянул в треснувшие окуляры. Пустота примяла траву, пока топталась во дворе, и теперь можно было разглядеть дом и улицу за ним, но картинка была искаженной, а самой пустоты нигде не было видно. Поворачивая перископ на триста шестьдесят градусов, я осмотрел все вокруг. Увидел поваленное дерево и искрящую опору линии электропередачи, рухнувшую на обочину. Увидел соседний дом, с которого сорвало

крышу. А потом вдруг почувствовал, что стрелка внутренне-го компаса задрожала, и услышал, как пустота пронзительно и громко взвыла наверху. Перископ рванулся из моих рук к потолку и, похоже, окончательно расплющился о бетон, а я от неожиданности упал на пол.

Нур бросилась ко мне:

– О господи! Ты не ушибся?

– Она там, наверху! – крикнул я.

Нур помогла мне встать, и мы вдвоем, спотыкаясь, бросились к телетайпу.

– Какая это часть двора? – спросила она, вглядываясь в схему.

Я постучал пальцем по экрану:

– Вот здесь, наверное... с этой стороны.

Нур опустила палец на клавишу F10.

– Ты не против, если я сама это сделаю?

– Нет! То есть да! Короче, жми!

И она нажала.

Сначала ничего не происходило. Но через несколько секунд стены затряслись. Что-то захрипело, заскрежетало и забулькало, как в старых батареях отопления, только гораздо громче. А потом раздался оглушительный БУМ-М-М, от которого содрогнулся весь бункер. Койка рухнула, а содержимое шкафа с грохотом посыпалось на пол.

Стрелка компаса у меня внутри завертелась. Я не знал, насколько пострадала пустота от того, что произошло наверху.

ху, но мог с уверенностью сказать: ее отбросило от дома на некоторое расстояние. А значит...

– Мы ее сделали! – выкрикнул я.

Нур не без опаски опустила руки, которыми до сих пор прикрывала голову.

– Она сдохла?

– Это вряд ли, но мы наверняка ее ранили. Не знаю, насколько тяжело, и, думаю, выяснять не стоит.

Я подбежал к стене и нащупал ручку двери, частично скрытой за шкафом.

– Второй выход, – пояснил я. – Ведет в другой дом, и там есть машина с полным баком.

– А как быть с Ви? – спросила Нур.

Я представил себе, как мы тащим тело Ви по длинному туннелю и вверх по лестнице, а по пятам за нами гонится разъяренная раненая пустота. Видимо, эти мысли отразились на моем лице так отчетливо, что Нур, не дожидаясь ответа, сама покачала головой и пробормотала:

– Ладно, неважно.

– Мы за ней вернемся, – пообещал я.

Нур молча схватила за ручку двери и изо всех сил потянула на себя.

Глава третья

Мы стрелой промчались по низкому туннелю, который вел на ту сторону дороги, взобрались по лестнице ко второму люку и очутились в спальне нежилого дома, служившего только для маскировки. Некогда было даже выглянуть в окно и посмотреть, сильно ли пострадал дедушкин дом. Я схватил Нур за руку и потащил к выходу, благодаря бога, что планировка здесь такая же, как и в доме Эйба, а значит, можно попасть в гостиную, не тратя драгоценных секунд на раздумья. В гостиной завывал ветер, в разбитом эркерном окне плескались насквозь промокшие кисейные занавески, ветка поваленного дуба тянулась в комнату, словно черная, корявая лапа какого-то чудовища. На другой стороне улицы, похоже, что-то горело. И ни следа пустоты. Вопреки здравому смыслу я поддался внезапно нахлынувшей надежде, что она все-таки мертва.

Мы ворвались в гараж. Приземистый, похожий на лодку «шевроле-каприс» никуда не делся, а место рядом с ним, само собой, опустело. («Астон» мы бросили в Бруклине несколько недель назад, и он наверняка достался тварям или обычным угонщикам, уже разобравшим его на запчасти.) Распахнув длинные двери «каприса», мы метнулись на сиденья. Ключи нашлись в бардачке, а пульт от гаража – в кармашке солнцезащитного щитка со стороны водителя. Я по-

тянулся к нему, но Нур перехватила мою руку.

– Погоди, – сказала она.

За все время, с тех пор как мы бросились бежать из бункера, я в первый раз сосредоточился на чем-то кроме самого побега. Я *увидел* ее. И это было нечто. Даже в резком, беспощадном свете лампочки на потолке «каприса», даже промокшая до костей, едва переводящая дух, растрепанная – она все равно была такой, что глаз не оторвать.

– Послушай меня. Сейчас мы поедem, и будем ехать без остановки. Понятно? Поезжай и не останавливайся. Ты должен добраться до Акра. Даже если со мной что-то случится.

Мне понадобилась пара секунд, чтобы понять, что она имеет в виду.

– Я тебя не брошу! – возмутился я.

– Послушай меня. Послушай! – Она была напряжена, как сжатая пружина. Глядя мне прямо в глаза, она взяла меня за руки и переплела пальцы с моими. – Кто-то должен предупредить остальных. Кроме нас, это некому сделать. Никто ведь больше не знает о том, что произошло.

Всем своим существом я сопротивлялся этой мысли. Меня корежило от одной только попытки представить ситуацию, в которой придется бросить Нур на произвол судьбы. Но внятно аргументировать свой отказ я не мог, а потому ограничился кратким «нет».

Пальцы Нур впились мне в ногу над коленом.

– Ви уже отдала за меня жизнь. Я не вынесу, если из-за

меня погибнут и остальные наши друзья.

Мое сердце сжалось.

– Тогда пообещай, что и ты поступишь так же, – сказал я. – Поедешь дальше, не останавливаясь.

Она опустила голову и почти незаметно кивнула.

– Обещаю.

– И я, – сказал я.

Но это была неправда. Я все равно ни за что не бросил бы ее.

Нур протянула мне пульт. Я нажал кнопку. Заурчал моторчик, дверь гаража поползла вверх – медленно, с жалобным скрипом. Дед въехал в гараж задом, так что перед нами сейчас будто поднимался театральный занавес, открывая глазам пугающую сцену. Дедушкин дом пылал. Трава на лужайке сбоку от дома была уже выжжена. В земле дымились яма; в стене зияла дыра, сквозь которую виднелся розовый кафель ванной.

По-моему, я пробормотал: «Вот дерьмо!» – а Нур сказала что-то насчет того, что пора заводиться, но внезапная, резкая боль в желудке отвлекла меня. И она же подсказала, куда смотреть: на ту самую дыру, рядом с которой громоздилась куча розовой щебенки, а из-за нее тянулся к небу огромный черный язык.

Заметив, куда я смотрю, Нур тоже уставилась на эту кучу.

– Джейкоб, – прошептала она. – По-моему, эта дрянь выжила.

Над грудой битого кафеля поднялась пустота. Она была очень высокая, хотя и сильно горбилась. И, похоже, ей не так уж и сильно досталось. Она потягивалась и разминала шею так спокойно, словно просто немного вздремнула, а не выкарабкивалась из-под обломков полуразрушенного дома. Бетонная пыль облепила ее с головы до ног, так что Нур тоже видела ее призрачно-белый силуэт.

– Заводи! – она очнулась и уже трясла меня за плечо. – Давай же, Джейкоб!

Я повернул ключ, перевел рычаг автоматической коробки на «D» и выжал газ. Мы выкатили на подъездную дорожку, ухнули в канаву на обочине с таким грохотом, что теперь-то пустота наверняка нас услышала, и выскочили на дорогу.

– Я ее вижу, вижу! ДАВАЙ! – крикнула Нур.

Я вдавил педаль в пол. Двигатель взвыл с такой яростью, какой никто бы не заподозрил в старом добром «шевроле-каприсе». Похоже, я перестарался: задние колеса крутились на мокром асфальте вхолостую. Машина вильнула вбок.

Пустота неслась через двор огромными прыжками. Она была даже выше той, с которой я сражался на Могильном Холме, и с каждым движением вокруг нее разлетались импрессионистские брызги черной крови и облачка бетонной пыли.

– ДАВАЙ, ДАВАЙ, ДАВАЙ, ДАВАЙ! – кричала Нур. – Вперед, а не вбок!

Я убрал ногу с педали. Задние колеса провернулись еще

пару раз и остановились. Я вывернул руль и снова нажал на газ – уже не так сильно.

– Прямо за нами... она ПРЯМО ЗА НАМИ...

Мы сорвались с места в тот самый миг, когда пустота попыталась заарканить бампер языком. Я услышал, как бампер оторвался с громким лязгом. Миг спустя другой язык ударил в заднее стекло, и на сиденье дождем посыпались осколки. Машина катила по улице, пустота бежала следом – прихрамывая и, вероятно, страдая от ран, но не сбавляя ходу.

Нур стала рыться в бардачке. Не знаю, что она надеялась там найти – наверное, какое-нибудь оружие или секретную панель управления, как в фильмах про Джеймса Бонда. Но там были только документы на машину да пара старых очков. Я ехал так быстро, как только мог, – по мокрому асфальту, усыпанному сломанными ветками и садовыми украшениями, вырванными ураганным ветром, которые превратили дорогу в настоящую полосу препятствий. К тому же Круговая деревня не зря так называлась: улица петляла бесконечными кругами, свивалась петлями и завитушками, норовившими то выкинуть наш скоростной, но тяжелый автомобиль в какой-нибудь пруд-отстойник, то приложить его об угол дома. То и дело приходилось тормозить – хотя больше всего на свете хотелось снова вдавить педаль газа в пол и больше не отпускать. Но пустота понемногу отстала – не потому, что мы набрали приличную скорость, а потому, что хромала все сильнее и уже начала опираться на один из языков, как на

костиль.

Но тут стрелка компаса у меня в животе дернулась вбок, и в зеркало заднего вида я заметил, что пустота свернула с дороги и скрылась за одним из домов.

– Она хочет выскочить нам наперерез, – догадался я.

Нас с Нур резко бросило вправо: это я выкрутил руль, чтобы обогнуть перевернутый гольфкар.

– Так поезжай другой дорогой! – крикнула Нур.

– Не могу! Из этого лабиринта только один выход...

Еще пару поворотов мы проехали без приключений, но я знал, что пустота где-то рядом и вот-вот выскочит навстречу. Еще поворот... и впереди показались высокие ворота. Выезд! А дальше – прямое шоссе, где, наконец, можно будет разогнаться до такой скорости, на которой она уже нас не догонит.

Я почувствовал ее раньше, чем увидел: она бежала вровень с нами справа от дороги и набирала скорость, чтобы броситься вперед и преградить нам путь. По правую сторону проулка, по которому мы ехали, тянулся невысокий бордюр, а ворота с пустой будкой охраны виднелись слева, и до них было уже рукой подать.

– Держись! – заорал я и, выжав газ, крутанул руль вправо.

Мы врезались в бордюр. Я был не пристегнут, и меня швырнуло вперед, на рулевое колесо, но «капрису» хватило разгона, чтобы перевалить через преграду. Один из языков пустоты проскрежетал по дверце, другой успел пробить

стекло с моей стороны. Въехав на лужайку напротив ворот поселка, мы сбили пустоту с ног и потащили ее за собой.

Прежде чем я пришел в себя и выровнял руль, мы успели заложить широкую дугу по аккуратно подстриженной траве – и слава богу, а точнее, слава Эйбу, что наш «каприс» оказался не обычной старой моделью, а усовершенствованной: двигателю хватило мощности, а шинам – цепкости, чтобы нас опять не занесло и не закрутило на раскисшей от дождя лужайке. Инерции тоже хватило, чтобы сначала не рухнуть в канаву носом вперед, а потом, перемахнув через нее, не съехать обратно задом. Несколько секунд наша судьба висела на волоске, но потом «каприс» опять обрел почву под колесами и пулей выскочил на шоссе «Сосновые леса».

И все бы хорошо, вот только Нур больше не видела пустоту, потому что бетонную пыль с нее смыло дождем, а я по-прежнему видел, что мы тащим ее за собой: язык, пробивший боковое стекло, обвился вокруг внутренней ручки моей дверцы. Мы разогнались до сорока миль в час, а вскоре и до пятидесяти, но пустоте все было нипочем. Я и близко не чувствовал, что она умирает – чувствовал только, что она вне себя от ярости.

Язык был твердым, как сталь, и в то же время гибким. И он не просто цеплялся за ручку, а понемногу скручивался, подтягивая остальное тело все выше, отрывая его от асфальта, об который пустота уже, должно быть, содрала всю кожу.

Я не понимал, что делать, а потому просто выжал газ до

упора и крикнул Нур:

– У тебя нет чего-нибудь острого?

Нур уставилась на меня в ужасе, сразу догадавшись, чем вызван этот вопрос.

Про себя я молился о встречной машине, об которую можно было бы стесать чудовище с нашей дверцы, но в Энглвуде и так уже почти не осталось жителей, а в такую бурю и по-давно никто не выехал бы на шоссе.

– Только это, – и Нур вручила мне все тот же нож для вскрытия писем. Похоже, он и вправду годился на все случаи жизни – куда там швейцарскому армейскому ножу! Настоящий тотем, который, видимо, решил со мной больше не расставаться.

Пустота выла от боли и напряжения, подтягиваясь все выше. Снять ногу с педали газа я не решался, хотя на шоссе тоже валялся мусор, который постоянно приходилось объезжать.

Я схватил нож. Попросил Нур подержать руль. Ткнул ножом в язык – раз, другой, третий. Брызнула кровь пустоты, черная и горячая. Чудовище взвизгнуло, но все еще не сдавалось, и я занес нож снова, но тут заметил, что язык как будто ослаб...

– Джейкоб! Тормози!

Я по-прежнему держал педаль газа, но смотрел только на пустоту. Обернувшись на выкрик Нур, я увидел, что дорожки преграждают перевернутый фургон и ствол поваленного

дерева. Я ударил по тормозам. «Каприс» заложил широкую петлю и почти разминулся с фургоном – но скорости не хватило. Мы зацепили его хвостом, и нас здорово трянуло. Дуб тоже нас потрепал: лобовое стекло треснуло, боковые зеркала оторвались, но, по счастью, обошлось без серьезных повреждений. Вырвавшись на свободу, «каприс» еще немного проехал по инерции и остановился.

Мир вокруг нас все еще кружился, хотя машина больше не двигалась. Нур трясла меня, трогала за лицо – она-то успела пристегнуться и осталась цела и невредима. Я обнаружил, что нож исчез – его просто вырвало у меня из руки. И язык пустоты исчез.

– Ну, теперь-то она точно сдохла? – спросила Нур, но тут же нахмурилась, словно устыдившись своего оптимизма.

Я обернулся и выглянул в разбитое заднее окно. Я все еще чувствовал пустоту – она определенно была жива, хотя и ослабла, – но не видел ее. При столкновении с фургоном она от нас отцепилась и осталась далеко позади.

– Она ранена, – сказал я. – И, думаю, серьезно.

По обе стороны дороги тянулись торговые центры – пустые, с темными окнами. Впереди на одном проводе покачивался оборвавшийся светофор. При других обстоятельствах я бы развернулся, вернулся к фургону и добил пустоту. Но сейчас нельзя было ни рисковать, ни тратить время. У нас и так хватало, чем заняться.

Я дал газу. Машина тронулась с места, слегка вихляя; ка-

пот сильно перекосило влево. Вдобавок мы, похоже, прокололи шину, но ехать было еще можно.

Я боялся гнать пострадавший «каприс»: не дай бог, проколем еще одну шину и тогда вообще застрянем. Поэтому мы почти ползли, а когда, наконец, въехали в город – как выражался дедушка, «на церковной скорости», – я глазам своим не поверил. Казалось, наступил конец света – по крайней мере в этом городке уж точно. Все магазины закрыты, парковки пусты, улицы засыпаны мокрым мусором. Светофоры работали, но ни пешеходов, ни других машин нам на глаза не попало. Ураган сорвал с привязи лодки, пришвартованные на каналах, их мачты раскачивались на ветру, словно пальцы подводного великана, который махал нам рукой. Опять же, при других обстоятельствах я бы развлек Нур экскурсией – рассказал бы о городке, в котором родился и вырос, и вместе с ней еще раз подивился неожиданному повороту судьбы, уничтожившему прямой и бессмысленный путь, который был мне предначертан. Но сейчас на это не было сил. А ощущение чуда и надежды на лучшее, которое когда-то будили во мне эти воспоминания, угасло под удушающим одеялом страха.

Что нас ждет на другом конце петли? Что, если Акр уже погиб и мои друзья – вместе с ним? Что, если Каул просто... стер это все с лица земли?

К счастью, мост на островок Нидл-Ки уцелел. Да и буря начала стихать, так что на широкую дугу моста мы въе-

хали без опасений, что какой-нибудь особо зловредный порыв ветра швырнет нас на хлипкие перила и сбросит в серые, бурлившие пеной воды Лимонной бухты. И по главной улице, заваленной сломанными ветками, тоже можно было проехать. Лавируя между закрытыми магазинами рыболовных товаров и старыми многоэтажками, мы наконец добрались до дома моих родителей.

Я предполагал, что никого там не застану. Даже если родители уже вернулись из путешествия по Азии, они должны были эвакуироваться при первом предупреждении о надвигающемся урагане. Отправиться в Атланту, где жила моя бабушка – мамина мама. Нидл-Ки – барьерный островок. Он находится ниже уровня моря, так что во время урагана здесь остаются только чокнутые любители приключений. Но я ошибся: в доме кто-то был. На подъездной дорожке стояла полицейская машина, на крыше которой беззвучно крутилась и вспыхивала мигалка, а рядом с ней увидел фургон с эмблемой службы отлова бездомных животных. Рядом с машинами топтался полицейский в дождевике. Услышав, как хрустит гравий под колесами нашего «каприса», он обернулся.

– Ну и дела, – буркнул я. – Что это тут творится?

Нур вжалась в спинку кресла.

– Будем надеяться, это не твари.

Только надежда нам и оставалась, потому что наш искалеченный «каприс» ни за что не ушел бы от полицейской ма-

шины. Коп махнул нам рукой, приказывая остановиться. Я остановился, и он подошел ближе, прихлебывая из термоса.

– Вход в петлю – на заднем дворе, в садовом сарае, – шепнул я Нур. – Если придется, беги туда со всех ног.

И мысленно добавил: «Если этот сарай все еще там. Если его не унесло ветром».

– Имена, фамилии? – спросил полицейский.

У него были аккуратно подстриженные черные усики, квадратный подбородок и глаза с нормальными человеческими зрачками. Разумеется, это могли быть и линзы, но его манера держаться говорила о том, что перед нами – обычный человек. Ему было скучно, его все раздражало. Тварь вела бы себя иначе. Я заметил нашивку на кармане форменного дождевика: «Рафферти».

– Джейкоб Портман, – назвал я.

Нур представилась как «Нина Паркер» – и нам повезло: полицейский не стал спрашивать удостоверения личности.

– Я здесь живу, – сказал я. – Что случилось?

Офицер Рафферти перевел взгляд с Нур на меня.

– Вы можете доказать, что это ваше законное местожительство?

– Я знаю код от сигнализации. И еще у меня есть фотография – мы с родителями в холле.

Он снова отхлебнул из термоса с логотипом Управления шерифа округа Сарасота.

– Вы попали в аварию?

– Мы попали в бурю, – сказала Нур. – Нас снесло с дороги.
– Пострадавшие есть?

Я бросил взгляд на черные пятна от крови пустоты, оставшиеся на дверце и у меня на руке, но тут же с облегчением сообразил, что полицейский не может их видеть.

– Нет, сэр, – ответил я. – Так что тут произошло?

– Соседи сообщили, что видели во дворе бродяг.

– Бродяг? – Мы с Нур переглянулись.

– Обычное дело во время эвакуации. Воры, грабители и прочая подобная публика ищут, чем поживиться. Должно быть, они увидели, что у вас стоит сигнализация, и отправились за добычей полегче. Мы никого не нашли... но на нас напала собака, – он указал на фургон службы отлова. – Некоторые даже в бурю оставляют собак во дворе, на привязи. Я считаю, что это очень жестоко. Бедные животные пугаются, рвут поводки и убегают. Эту собаку сейчас пытаются поймать. Вам пока лучше оставаться в машине – ради вашей же безопасности.

Внезапно послышался громкий лай, и из-за дома выбежали еще два полицейских – молодой и пожилой. Оба держали в руках по длинному шесту. Другим концом шесты крепились к ошейнику, а в ошейнике билась собака – рычала, скалилась, трясла головой пытаясь вырваться. Полицейские тащили ее к фургону.

– Черт побери, Рафферти, так и будешь там стоять? – гаркнул старший из двух. – Открой нам дверь!

– Оставайтесь в машине, – грозно повторил Рафферти и, подбежав к фургону, стал дергать заднюю дверь.

– Идем, – сказал я, как только он повернулся спиной.

Я вылез из машины. Нур обошла ее и встала рядом со мной.

– Немедленно вернитесь в машину! – крикнул Рафферти, но даже не дернулся в нашу сторону. Дверь фургона заела, и он сражался с ней изо всех сил.

– Давай быстрее, а то она опять нас укусит! – завопил пожилой полицейский.

Я схватил Нур за руку: надо было как можно скорее добраться до сарая. Но тут раздался такой ужасающий рык, что у меня кровь застыла в жилах, а молодой коп крикнул:

– Ну, все! Сейчас она попробует тазера!

Пес залаял громче, настойчивей. Я едва сдерживался, чтобы не броситься ему на помощь, как вдруг раздался новый, смутно знакомый голос. С чистейшим британским акцентом кто-то произнес:

– Это я!

Я замер и обернулся. Нур тоже.

Я узнал этот голос.

Он принадлежал собаке – рыжеватому боксеру в шипастом ошейнике, взрывавшему гравий мускулистыми лапами. Полицейские ничего не слышали – им было не до того.

Рафферти наконец открыл дверь фургона. Старший сотрудник службы отлова удерживал пса, а младший размахивал

вал тазером. И снова раздался голос – на сей раз я не просто его услышал, а еще и увидел, как пес шевелит губами:

– Джейкоб! Это я, Эддисон!

Теперь и полицейские его слышали – и застыли, разинув рты.

И Нур тоже.

– Это моя собака! – закричал я и побежал к фургону. – Лежать, мальчик!

– Он же только что... – пробормотал младший коп и осекся, замотав головой.

– Не подходить! – рявкнул Рафферти, но я уже подошел и опустился на колени в паре ярдов от Эддисона. Вид у него был слегка потрепанный, что не мешало, впрочем, ему выражать бурную радость: купированный хвост вилял так энергично, что вместе с ним тряслась и вся задняя половина пса.

– Все хорошо, он дрессированный, – сказал я. – Умеет всякие трюки.

– Он точно твой? – с сомнением переспросил Рафферти. – Так какого черта ты до сих пор молчал?

– Богом клянусь, эта собака что-то сказала, – вмешался старший коп.

Эддисон на него рыкнул.

– Снимите с него эту штуку! – потребовал я. – Он не кусается, если его не трогать.

– Да он меня уже укусил! – возмутился младший.

– Мальчишка врет, – подхватил Рафферти.

– Я докажу, что он мой. Эддисон, сидеть!

Эддисон сел. Полицейских это впечатлило.

– Голос!

Эддисон залаял.

– Нет, не так, – младший коп нахмурился. – Он словами говорил, а не лаял.

Я посмотрел на него как на психа.

– Просить! – приказал я Эддисону.

Тот сердито зыркнул на меня: это было уж слишком.

– Все равно придется его забрать, – сказал старший коп. – Он укусил офицера полиции.

– Да вы его просто испугали! – возразил я. – Больше он никому не причинит вреда.

– Мы отдадим его в школу для собак, – добавила Нур. – На самом деле он очень милый! Просто лапочка! Я еще ни разу не видела, чтобы он на кого-то рычал.

– Сделай так, чтобы он еще что-то сказал, – настаивал молодой коп.

Я посмотрел на него с беспокойством и некоторым сочувствием:

– Не знаю, что вам слышалось, офицер, но...

– Я слышал, как он что-то сказал. Пусть извинится за то, что укусил меня.

– Слушай, Кинси, это просто собака! – не выдержал старший коп. – Да черт возьми, я как-то видел на ютубе добермана, который пел национальный гимн...

И тут чаша терпения Эддисона переполнилась. Он поднялся на задние лапы и отчетливо произнес:

– Послушай, ты, провинциальный олух! Я говорю по-английски лучше тебя!

Молодой полицейский сказал «Ха!» – и выпучил глаза, а остальные двое застыли, потеряв дар речи. И не успели они опомниться, как позади нас что-то грохнуло. Мы обернулись и тоже на секунду онемели: на подъездной дорожке стояла Бронвин – и она только что разбила ветровое стекло фургона, запустив в него пальмой в кадке.

– Чего стоите? – поддразнила она полицейских. – Вот она я!

Я даже не успел обрадоваться, что она жива, или задать вопрос, что она тут делает: Бронвин в ту же секунду сорвалась с места и помчалась куда-то за дом, а Рафферти крикнул: «Стоять!» – и понесся следом. Остальные бросили шесты и побежали за ним.

– В карманную петлю, друзья! – крикнул Эддисон и, стряхнув приспособления для отлова со своего ошейника, тоже сорвался с места.

Мы догнали его на заднем дворе. Я искал взглядом садовый сарай под олеандровой изгородью, но буря унесла его в Лимонную бухту, оставив лишь квадратное основание, из которого торчало несколько разбитых досок.

Из-за дальнего угла дома выскочила Бронвин.

– Прыгайте! – закричала она. – Прыгайте туда, где светит-

ся!

Эддисон подвел нас к останкам сарая. Прямо в центре основания, где когда-то был вход в карманную петлю, в воздухе висело какое странное, мерцающее марево.

– Это простейшая форма петли, – пояснил Эддисон. – Не бойтесь, просто входите.

Полицейские были шагах в двадцати от Бронвин, и я не сомневался, что они пустят в ход дубинки и тазеры, если доберутся до нас, и тогда Бронвин придется не на шутку их покалечить. Поэтому я просто взял и толкнул Нур в это мерцающее пятно. И она исчезла во вспышке света.

Эддисон прыгнул следом и тоже исчез.

– Идите, мистер Джейкоб! – завопила Бронвин.

Помощь ей была не нужна: я знал, что она кого угодно победит одной левой. И я шагнул в петлю.

Все вокруг почернело, и я снова закружился в невесомости – во второй раз за... уж и не знаю за сколько часов.

Глава четвертая

Мы вывалились из чулана для швабр одним клубком и распластались на толстом красном ковре. Нур заехала мне локтем в подбородок, мокрый собачий нос мазнул по щеке. Я едва успел увернуться от Бронвин: глядя перед собой невидящим взглядом, она продолжала размахивать кулаками и орать: «Руки прочь, гнусные истязатели животных!» Эддисон обхватил ее передними лапами и оттащил от нас, пока она кого-нибудь не вырубил.

– Опомнись, девочка! Мы уже в Панпитликуме!

Он лизнул ее в лицо, и Бронвин обмякла, опустив руки.

– Да, правда? – кротко переспросила она. – Все произошло так быстро. Я даже не успела понять. – Тут она заметила нас, и на ее лице расцвела улыбка. – Боже мой, это и правда вы!

– До чего же я рада вас видеть! Я просто... – начала Нур, но остаток фразы потерялся в складках домотканого платья Бронвин.

– Мы думали, на этот раз вы совсем пропали! – Бронвин стиснула нас в медвежьих объятиях. – Когда вы опять куда-то исчезли, никому не сказав, мы решили, что вас похитили! – От избытка чувств она даже приподняла нас, прижимая к груди. – Горацию приснилось, будто у вас высосали души через пятки! А потом начались опустошения, и...

– Бронвин! – выкрикнул я, пытаюсь не набрать полный рот шершавой ткани.

– Бога ради, девочка, дай им вздохнуть! – вмешался Эддисон.

– Ох, простите, простите! – Бронвин поставила нас на пол.

– Мы тоже рады тебя видеть, – просипел я.

– Простите, я не нарочно, – повторила Бронвин. – Немного увлеклась, да?

– Ничего страшного, – заверила ее Нур и легонько пихнула в бок – мол, все путем, без обид.

– Не стоит так много извиняться, – наставительно сказал Эддисон. – Иначе могут подумать, что ты совсем тряпка.

Бронвин кивнула и еще раз сказала: «Простите», – а Эддисон поцокал языком, покачал головой и повернулся к нам с Нур:

– Ну и где же вы пропадали?

– Это долгая история, – вздохнул я.

– Ну ладно, тогда отведем вас к имбринам, – сказал Эддисон. – Нужно сообщить им, что вы нашлись.

Нур спросила, как у них дела.

– Теперь, когда вы вернулись, все пойдет на лад! – воскликнула Бронвин.

– Все наши на месте? – Я огляделся по сторонам, ожидая худшего.

– Да... – Теперь уже и Бронвин забеспокоилась, испуганная нашими расспросами.

– Нападений не было? – спросила Нур.

Эддисон навострил уши:

– Нападений? А кто должен был напасть?

Тугой узел тревоги, сжимавший мне грудь, немного ослаб.

– Слава богу.

– Никаких нападений не было, – сказала Бронвин, – хотя, если честно, мы думали только о том, как вас найти, и не слишком-то интересовались, что там еще происходит. Даже если бы тут начали падать бомбы, наверное, никто бы ничего не заметил.

– Я желаю знать, что стоит за всеми этими странными вопросами! – Эддисон испытующе заглянул мне в глаза, встав на задние лапы.

Нур покосилась на меня, не зная, что ответить.

– Может быть, и ничего. – Я пожал плечами и потерял лицо. – У нас выдалась долгая ночь. Не хочу напускать туман, но, думаю, ты прав: сначала нужно поговорить с мисс Сапсан.

Не стоило сеять панику раньше времени. К тому же у меня оставалась крохотная надежда, что я ошибся насчет Каула. Может, он по-прежнему там, в ловушке, в безвыходной петле Библиотеки Душ.

– Ну хотя бы скажите нам, где вы были! – взмолилась Бронвин. – Мы день и ночь вас разыскивали! Имбрины велели сторожить все петли, в которые вы могли бы уйти. Мы с Эммой, Енохом и Эддисоном посменно караулили твой дом

во Флориде со вчерашнего вечера.

– Даже несмотря на эту ужасную бурю! – подхватил Эддисон. – А потом явились эти садисты-констебли со своими палками...

– Со вчерашнего вечера? – переспросила Нур. – Не может быть...

– А сколько дней нас не было? – догадался спросить я.

Лохматые брови Эддисона сошлись над переносицей:

– Что за вопрос?

– Два дня, – ответила Бронвин. – С позавчерашнего вечера.

Нур ахнула и невольно отступила на шаг:

– Два дня?!

«Вот, значит, сколько мы падали», – подумал я и на мгновение опять провалился в это странное состояние невесомости и бестелесности. Два дня.

– Мы отправились на поиски Ви, – сказал я, наконец отвечая на вопрос Бронвин.

– И мы ее нашли, – добавила Нур, хотя, на мой взгляд, об этом говорить уже не стоило.

Бронвин вытаращила глаза, но перебивать не стала.

– Все прошло не так хорошо, как мы надеялись, – сказал я. – Мы каким-то образом катапультировались из ее петли и очнулись во Флориде, на веранде дома моего дедушки.

– Клянусь нашими крылатыми наставницами... – пробормотала Бронвин. – Это просто невероятно!

– Вот именно, – подтвердил Эддисон. – То, о чем вы говорите, противоречит всем известным законам петлелогии. Но давайте-ка пойдем дальше, а не то мы испортим этот ковер окончательно! С меня до сих пор течет!

Мы двинулись по коридору, залитому бледно-серым утренним светом Дьявольского Акра.

– Вы правда нашли ее? – спросила Бронвин уже на ходу.

Нур молча кивнула. Бронвин, похоже, поняла, что произошло нечто ужасное, но выпрашивать не стала, только бросила на меня встревоженный взгляд и опять повторила:

– Простите меня, пожалуйста. Мне очень жаль.

Проходя мимо окна, я выглянул наружу – и мне предстало очень странное зрелище: улицы, крыши домов, скрюченные деревья (те немногие, что выжили в Акре) – одним словом, все вокруг было засыпано каким-то сероватым пухом. И такой же пух кружился в воздухе, медленно осыпаясь наземь. В Дьявольском Акре шел снег. Но это было невозможно! Ведь Акр находился в петле, и погода здесь никогда не менялась.

Бронвин заметила, что я таращусь в окно.

– Пепел, – сказала она.

– Это одна из казней, – пояснил Эддисон. – Так их называет мисс Шилоклювка.

Значит, что-то все-таки изменилось с тех пор, как мы ушли. Изменилось к худшему.

– Когда это началось? – спросил я.

Но тут послышались вопли:

– Это они?! Это они?!

Навстречу нам по лестнице бежали двое.

Эмма. Эмма и Енох, оба в черных плащах, выпачканных пеплом. При виде них у меня потеплело на сердце.

– Джейкоб! Нур! – выкрикивала Эмма на бегу. – Слава птицам, слава всем странным небесным птицам!

Нас снова заключили в объятия, закружили и засыпали вопросами:

– Где вас черти носили?! – Эмма то прыгала от восторга, то вспоминала, что ужасно на нас сердита. – Решили навестить родителей, а нам даже записки не оставили?

– Чертовы идиоты! – напустился на нас Енох. – Мы опять решили, что вы погибли! Сколько можно?

– Мы и правда чуть не погибли, – сказала Нур.

Эмма снова бросилась обниматься, но тут же оттолкнула меня и окинула скептическим взглядом:

– А почему это вы мокрые, как мыши?

– Они прошли через ад! – воскликнула Бронвин.

– Нам и правда надо поговорить с мисс Сапсан, – сказал я извиняющимся тоном.

Енох скривился:

– А зачем? Вы даже не потрудились предупредить ее, что уходите.

– Она в новом кабинете, наверху, – сказала Эмма, и мы двинулись дальше по коридору.

– Они нашли эту охотницу на пустот! – внезапно выпалил

Эддисон, не сумев сдержаться.

– Что, правда? – глаза Эммы вспыхнули.

– И где же она? – с подозрением осведомился Енох.

– Не спрашивайте, – прошипела Бронвин.

Эмма побледнела. Она явно хотела спросить о чем-то еще, но за очередным поворотом мы наткнулись на незнакомых людей, и разговор пришлось прервать. Незнакомцев было очень много. Они стояли, выстроившись вдоль стены цепочкой, и я подумал: наверное, это новенькие. Казалось, все они ошарашены – одновременно и странностью места, в котором очутились, и последствиями недавнего перехода через петлю. Судя по одежде, это были пришельцы из самых разных эпох и частей света. Некоторые легко сошли бы за нормальных: молодая пара, похожая на чету сельских дворян из Англии, – у обоих на лице была написана скука; мальчик, притопывающий ногой и посматривающий на карманные часы; плачущий младенец в старинной викторианской коляске. Другие, напротив, были просто вопиюще странными – настолько, что за пределами петель для них не нашлось бы места, кроме как в цирке или в каком-нибудь шоу уродов: бородатая девочка с матерью; мужчина в маскарадном костюме и с двойником-паразитом, растущим у него из груди; веснушчатая девушка с яркими, пронзительными глазами, но без рта... Все стояли в очереди за временными удостоверениями, которые выдавал один из работников Харона – сотрудник паспортного контроля.

– Новоприбывшие из других петель, – шепнул Енох. – Имбрины приглашали всех подряд, хотя в Акре не так уж много места. Теперь все друг у друга на головах будут жить.

Я спросил почему, но он лишь раздраженно пожал плечами:

– Понятия не имею, зачем кому-то рваться сюда по доброй воле. В любой другой петле было бы лучше.

Я задумался: а вдруг имбрины уже знают, что грядет нечто ужасное, и стараются собрать здесь самых уязвимых, чтобы легче было их защищать?

Мы уже добрались почти до конца очереди, когда кто-то окликнул меня по имени. Я обернулся и увидел, что едва ли не половина толпы уставилась на меня. Я хотел отвернуться и идти дальше, но тот самый младенец в коляске произнес совершенно взрослым голосом:

– Это Джейкоб Портман!

Когда толпа осталась позади, Эмма наконец спросила:

– Что случилось с Ви?

– Мы все вам расскажем, честное слово, – пообещал я. – Но только после того, как поговорим с мисс Сапсан.

Эмма вздохнула.

– Ну тогда скажи хотя бы вот что: это из-за вас вчера шел град из костей?

Она коснулась лилового синяка у себя на скуле, от одного вида которого я сочувственно поморщился.

– Что? – не поняла Нур.

– Еще одна казнь, – театральным шепотом подсказал Эддисон.

– Вчера утром шел град из костей, – сообщила Бронвин так спокойно, словно в этом не было ничего особенного. – А позавчера вечером – кровавый дождь.

– Ну, скорее, слегка моросило, – добавила Эмма, плечом открывая дверь на лестницу и придерживая ее, пока мы все не прошли. – А теперь, как видите, пепел.

– Прогнило что-то в Датском королевстве, – подытожил

Эддисон и на всякий случай добавил: – Это из Шекспира.

На верхнем этаже дома, прежде принадлежавшего Бен-таму, над библиотечными залами, дортуарами и извилистыми коридорами Панпитликума, находились чердаки, где хранили странные сокровища, и кабинет, который заняла мисс Сапсан после отбытия бывшего владельца на неизвестный срок.

– Она приходит сюда подумать, – объяснила Бронвин. Ее слова эхом раскатились по лестнице. – Говорит, это единственное место во всем треклятом Акре, где можно хоть минутку побыть в тишине и покое.

Добравшись до верхней площадки, она толкнула дверь и прикрикнула на отставшего Еноха, чтобы перебирал ногами поживее.

Петляя между витринами, мы прошли через комнаты, где Бентам устроил музей странных вещей. Когда я впервые увидел этот чердак, все крупные экспонаты были накрыты простынями, а те, что помельче – упакованы в ящики, но теперь ящики уже вскрыли, а простыни сняли. В призрачном, пепельном свете утра коллекция производила ошеломляющее впечатление. Если коридоры Панпитликума были странным аналогом Центрального вокзала, то эти чердачные залы можно было сравнить разве что с Музеем естественной истории – если представить себе, что все его содержимое перемешали и отправили на консервацию. Чтобы расчистить дорожки, многие витрины пришлось поставить друг на друга – в

два, а то и в три этажа, и пока мы гуськом пробирались по узким проходам, я вертел головой, разглядывая всевозможные диковины. Я старался сосредоточиться на предстоящей встрече с мисс Сапсан и на том, как поведать ей ужасные новости, но экспонаты, мелькавшие буквально в дюймах от моего лица, слишком отвлекали. Что-то тарахтело в темной глубине нарядного кукольного домика, почему-то запертого в клетку. Стекланные глаза, аккуратно разложенные в одной из витрин, провожали меня взглядами, поворачиваясь в ячейках. Под потолком что-то жужжало; я поднял голову и увидел парящую в воздухе черную книгу, вокруг которой медленно вращалось кольцо из камешков.

Я повернулся к Нур и шепотом спросил:

– Ты как?

Она чуть-чуть улыбнулась и пожала плечами, словно желая сказать: «Ну, насколько это возможно...» А потом прищурилась, уставившись куда-то мне за плечо.

На первый взгляд стеклянный ящик был совершенно пуст. Табличка над ним гласила: «Последнее и предпоследнее газоиспускания сэра Джона Соуна, построившего этот дом»¹.

¹ Джон Соун (1753–1837) – историческая личность. Выдающийся лондонский архитектор, построивший среди прочего невероятный дом-лабиринт, в котором поселился сам, и наполнивший его всевозможными статуями, архитектурными моделями и прочими произведениями искусства. Сейчас в этом здании находится дом-музей Соуна, во многом похожий на музей странных вещей Майрона Бен-тама. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

– Что за тип был этот Бентам? – спросила Нур. – Зачем он собирал всю эту рухлядь?

– Очевидно, он был одержим, – сказал Эддисон. – И не знал, чем себя занять.

– Это не рухлядь! – из дальнего конца зала донесся резкий, высокий голос. Мы все повернулись, как по команде, и из теней выступил Ним. – Курьезариум мастера Бентама – драгоценная сокровищница, и я бы попросил вас немедленно покинуть это помещение, если вы не против... но даже если и против, то все равно!

И он погнал нас вперед, к выходу, размахивая метлой.

Пока остальные смеялись над Нимом, спешившим подмести за нами пол, я задумался о Бентаме. Неужели он и вправду был просто одержимым чудаком, получившим доступ к бескрайним просторам странной вселенной лишь по счастливой случайности – благодаря Панпитликуму, к созданию которого он приложил руку? Но что, если дело в другом? Что, если он старался собрать как можно больше вещественных свидетельств того мира, который его брат собирался уничтожить? Но если он и вправду боялся, что Каул разрушит странный мир, то почему не предпринял ничего, чтобы этому помешать?

Но тут мне бросились в глаза витрины в человеческий рост – кто-то стыдливо затолкал их в угол. Когда-то в них стояли самые настоящие люди – живые, но парализованные, скованные остановкой времени и заточенные в стеклянные

ящички, словно в чудовищном музее восковых фигур. Зачатки жалости, которую я начал испытывать к Бентаму, мигом испарились. Ладно, допустим, он и сам был в некотором роде пленником: твари похитили его и заставили работать на них. И да, он ненавидел брата и тайно пытался помешать ему. Но этого было недостаточно. Вина за воскрешение Каула лежала не только на мне и Нур. Бентам прожил здесь столько лет! Наверняка у него была возможность уничтожить Панпитликум или, еще лучше, убить своего безумного брата. Но он ею не воспользовался. А ведь если бы все это время он сотрудничал со своей сестрой, а не с Каулом, сколько пользы он мог бы принести всему странному миру!

Последний из музейных залов Бентама переоборудовали под фотостудию. Стены здесь были увешаны портретами в рамах. Косоглазый фотограф метался между камерой (огромным черным ящиком с надписью «Министерство фоно- и фотографической документации») и объектом съемки – маленькой девочкой, застывшей на стуле в явно неудобной позе. Другие дети нервно топтались рядом, дожидаясь своей очереди; некоторые вертели в руках только что полученные временные удостоверения. Министерство выдавало документы всем – почти сразу же по прибытии, и это было необычно. Как будто имбрины боялись не успеть.

THE ULTIMATE AND
PENULTIMATE FLATULATIONS OF
SIR JOHN SOANE,
BUILDER OF THIS HOUSE

Из фотостудии мы перешли в вестибюль с высоким потолком. Здесь на стенах висели картины в золоченых рамах, так тесно друг к другу, что я не сразу отыскал дверь в кабинет. Но тут из-за стенки донесся голос мисс Сапсан:

– Ну и какого дьявола вы там устроили? Такое впечатление, будто вы и сами не понимаете, что творите!

– По-моему, это она Перплексуса распекает, – сказала Эмма.

– Да, очевидно, ваша работа очень важна! – продолжала мисс Сапсан. – Но если вы будете продолжать в том же духе, то разрушите весь Дьявольский Акр! Так что будьте любезны, избавьте нас от дальнейших ошибок! Выясните уже наконец, что у вас там не работает, и почините! Хватит уже с нас этих треклятых экспериментов!

– Наверное, лучше зайти попозже, – сказала Бронвин.

Енох шикнул на нас и прижался ухом к двери – но в этот самый миг она распахнулась настежь. На пороге стояла мисс Сапсан, на ее щеках полыхал румянец.

– Вы вернулись! – воскликнула она и, раскинув руки, окутала нас вихрем черной ткани. – Я думала... я думала... ну да ладно, неважно, что я там себе думала. Вы вернулись!

За ее спиной маячил Перплексус, и какая бы драма ни грозила разыграться в кабинете до нашего появления, теперь все было забыто.

– До чего же я рад вас видеть! – прошептал я.

Мисс Сапсан закивала в ответ, не разжимая объятий и задевая мою щеку узлом иссиня-черных волос. Встречаясь с ней, я и прежде не раз испытывал облегчение, но совсем не такое, как сейчас – после того, как несколько часов подряд пытался и никак не мог представить мир и свою жизнь без нее. До меня дошло нечто очевидное и в то же время необычайно глубокое: то, что я чувствую к этой странной маленькой женщине, – и есть любовь. И я подержался за нее еще немного – даже после того, как Нур высвободилась из ее нервных объятий. Мне нужно было не только убедиться, что она действительно жива, но и справиться с удивлением: я вдруг понял, какая она на самом деле крохотная и уязвимая под всеми этими слоями и складками пышного платья. И мне стало страшно при мысли о том, какая тяжесть лежит на этих хрупких плечах.

Мисс Сапсан опустила руки и отступила на шаг, чтобы как следует нас рассмотреть.

– Боже мой, да вы промокли до нитки!

– Мы с Эддисоном только что нашли их возле дома мистера Джейкоба, – сообщила Бронвин. – И десяти минут не прошло. Вот, привели их сразу к вам.

– Спасибо, Бронвин! Вы все сделали правильно.

– Ох, мои милые! Ох вы бедняжки! – донесся из кабинета голос мисс Шилокловки, и, заглянув за спину мисс Сапсан, я увидел, что престарелая имбрина сидит у окна в кресле на колесах. Она подозвала нас жестом и прикрикнула на двух вертевшихся рядом учениц:

– Хватит прохлаждаться, дамы! Несите чистые полотенца, две смены одежды, чай с лимоном и горячую еду.

– Слушаюсь, мисс, – ответили они хором и склонили головы перед наставницей.

Я знал обеих: серьезную девушку в идеально круглых очках звали Сигрид, а другую, многообещающую любимицу мисс Шилокловки, – Франческа. Енох вздохнул и проводил Франческу глазами, но, заметив, что я на него смотрю, тут же принял свой обычный вид – хмурый и недовольный.

– Нам нужно поговорить с вами наедине, – сказал я мисс Сапсан.

Она кивнула, и мне вдруг почудилось, будто она и так уже знает все, что мы хотим рассказать.

– Наедине? – Енох нахмурился еще сильнее.

Он явно хотел поспорить, но все-таки удержался: видимо, память о том, как досталось Перплексусу, была еще слишком свежа.

– А вас я попрошу собрать остальных, – обратилась мисс Сапсан к нашим друзьям. – Скажите им, что Джейкоб и Нур нашлись. Приведите всех в Дом-над-Канавой и ждите нас там.

– Миллард и Оливия обыскивают нью-йоркскую петлю, – сказала Эмма, посмотрев на свои наручные часы. – Но они в любую минуту могут вернуться.

– Сходите за ними, будьте добры, – попросила мисс Сапсан. – Не будем терять времени.

– Да, мисс. – Эмма бросила на мисс Сапсан умоляющий взгляд, в котором читалась просьба не оставлять их в неведении слишком надолго. – До скорого.

Эмма, Енох, Бронвин и Эддисон ушли. Перплексус раздраженно кашлянул, напомнив о своем присутствии.

– Mi scusi², синьора Сапсан, но мы не закончили...

– А я полагаю, закончили, мистер Аномалус, – отрезала мисс Сапсан учтивым, но не терпящим возражений тоном, что в ее устах было равносильно пинку за дверь. Перплексус побагровел и выбежал вон, вполголоса ругаясь по-итальянски.

Мисс Сапсан заметила, как Нур пытается отлепить от шеи

² «Прошу прощения» (*ит.*).

пряди мокрых волос, и спросила, не желаем ли мы переодеться.

– Спасибо, – сказала Нур, – но, если мы прямо сейчас не расскажем вам, что случилось, у меня случится нервный срыв.

Губы мисс Сапсан сжались в тонкую линию.

– Тогда приступим! – сказала она.

Нам выдали одеяла, чтобы накинуть на плечи, а ученицы имбрин вернулись с чаем и горячими закусками, к которым, впрочем, никто не прикоснулся: у нас с Нур совершенно пропал аппетит. И вот, наконец, мы остались в компании двух имбрин, примостившись на диванчике между мисс Шилокловкой, которая так и сидела в своем инвалидном кресле со спинкой и подлокотниками, украшенными изысканной резьбой, и мисс Сапсан, которая осталась стоять рядом с нами – видимо, слишком нервничала, чтобы усидеть на месте.

– Расскажите нам все, – сказала она. – Думаю, многое мы уже знаем, но все равно рассказывайте подряд и ничего не пропускайте.

И мы выложили ей всю нашу горькую и страшную историю. Я рассказал, как мы решили: если Нур предстоит остаться с нами надолго, ей нужно забрать кое-какие вещи из дома. И как мы отправились в Бруклин, в квартиру ее приемных родителей, через нью-йоркскую петлю.

– Ни единой живой душе не сказав, куда вы направляетесь, – вставила мисс Шилокловка, барабаня длинными ног-

тями по подлокотникам.

Теперь казалось, что этому и впрямь нет оправданий, но я все же постарался объяснить.

В Акре вроде бы стало спокойнее, сказал я. Темные тучи опасности, сгушавшиеся у нас над головами последние несколько недель, как будто рассеялись. Наши друзья уже относительно свободно пользовались Панпитликумом, вот мы с Нур и решили, что мы тоже можем.

– Мы и вправду думали, что нам ничего не грозит, – добавила Нур, и было слышно, что она в самом деле раскаивается. – Думали, мы туда и назад – и никто даже не заметит.

Я рассказал имбринам про открытку, которую мы нашли в доме приемных родителей Нур. Открытку с приглашением в гости, подписанную именем Ви. Обратным адресом значилось место, до которого было рукой подать – всего пара часов на машине.

– Мы уже выбрались из Акра, – добавил я, чувствуя себя сущим ребенком, который лебезит перед взрослыми в надежде избежать выволочки. – Ну и подумали: чем возвращаться назад, а потом снова ехать туда же, лучше мы...

– Мы хотели сделать это сами, без лишних глаз, – вставила Нур.

– Хватит оправдываться, – сказала мисс Шилоклювка. – Вы не на суде. – И добавила вполголоса: – Пока что.

Задним числом я ничуть не жалел, что мы отправились туда одни. Стоило только представить, как Нур пытается про-

вести через петлю в Вайноке с ее двумя смерчами не только меня, а еще несколько человек! Почти наверняка кто-нибудь бы погиб. Но даже если бы мы добрались до Ви всей командой, что с того? Ничего бы не изменилось. Мурнау все равно застал бы нас врасплох и точно так же наставил бы на Ви пистолет. Мы бы все равно ее не спасли, будь нас хоть десять человек. Так ведь?

Может быть. Или нет.

Нур продолжала говорить. Она рассказала, как мы приехали в Вайноку и ее охватило странное чувство, что она там уже бывала. Рассказала о складе и о странном старике, который возился с проволочными клетками. На этом месте мисс Сапсан и ее наставница посмотрели друг на друга со значением. Нур описала петлю, в которой бушевали два смерча. Рассказала о песенке, которую ей в детстве пела Ви, – и как эта песенка помогла нам избежать смертельных ловушек и, наконец, добраться до дома Ви.

Тут Нур замолчала и, стиснув зубы, уставилась в пол. Продолжать она не могла, так что я подхватил рассказ.

– Ви нас не ждала, – сказал я.

– Значит, открытка была не от нее? – уточнила мисс Шиллоклювка.

Я медленно покачал головой:

– Она рассердилась, когда нас увидела. Более того, испугалась.

– «Какого дьявола ты здесь делаешь?» – тихо произнесла

Нур. – Вот что она сказала, когда нас увидела. – Ее губы задрожали. – Вот так она меня встретила.

И, снова замолчав, кивнула мне, чтобы я продолжал.

– Она привела нас в дом, – сказал я. – У нее там был настоящий арсенал. Как только мы вошли, она бросилась закрывать все двери и окна, как будто ожидала нападения. Но она не успела. Кое-кто все равно проник в дом.

– Мурнау, – догадалась мисс Сапсан.

– Это и был тот самый старик, которому мы помогли на складе, – сказал я. – Он загримировался.

Я помолчал немного. Поерзал на диване.

– Последним ингредиентом в списке Бентама было вовсе не сердце матери птиц. Мурнау охотился не за вами, мисс Сапсан, и не за вами, мисс Шилоклювка. Ему было нужно сердце...

– Матери бурь, – подхватила мисс Шилоклювка. – Прошлой ночью Франческа заметила ошибку, которую Бентам нарочно сделал в переводе. Полагаю, он хотел сбить прихвостней Каула со следа.

Я помотал головой:

– Может, и так, но это не сработало.

– Мурнау убил ее, – произнесла мисс Сапсан. И это был не вопрос: она все прочла по нашим лицам.

Нур уронила голову на грудь и тихо всхлипнула. Я подождал, пока она хоть немного успокоится, а потом все-таки продолжил:

– Он застрелил ее. А потом выстрелил в нас какими-то усыпляющими дротиками. Когда мы очнулись...

И тут я опять умолк. Не мог заставить себя произнести это в присутствии Нур. Даже просто сказать об этом вслух уже казалось каким-то страшным насилием. Мисс Сапсан села рядом с Нур на диван и обняла ее за плечи.

– Он забрал ее сердце, – промолвила мисс Шилоклювка, не поднимая глаз. Ее руки, покрытые старческими желтушными пятнами, сжались в кулаки.

– Да, – прошептал я.

И рассказал им, как Мурнау забрал ее сердце, повесил на плечо кожаную сумку с другими ужасными трофеями и прыгнул прямо в торнадо, бушевавший через дорогу от дома. Как ветер подхватил его и унес. И как потом в этом вихре и в ветках вырванного с корнями дерева проступило лицо Каула, а его голос, гремевший как раскаты грома, произнес мое имя.

Мисс Сапсан встрепелась.

– Горацию это снилось, – сказала она. – Точно такой же образ: лицо Каула в воронке смерча. Позапрошлой ночью.

У меня перехватило горло.

– Именно тогда, когда это произошло, – сказал я. Не столько вещий сон, сколько ясновидение. Эдакая сверхъестественная трансляция в реальном времени. Я посмотрел на свою имбрину. – Значит, вы уже знали.

Та покачала головой.

– Мы лишь опасались худшего. Но не знали наверняка. И только теперь мы точно знаем, что... что Каула действительно воскресили.

– Да помогут нам предки, – выдохнула мисс Шилоклювка. Нур снова поникла.

– Впрочем, мы догадывались, что происходит что-то очень плохое, – сказала мисс Сапсан. – Начались некоторые... возмущения среды.

Я кивнул.

– Эмма говорила, в Акре шел дождь... из костей?

– Кости, кровь, пепел. А сегодня рано утром налетел ветер, кричавший на все голоса.

– Искажения в ткани петли, – сказала мисс Шилоклювка. – Это может означать, что петля начала разрушаться.

– Мы-то думали, это последствия экспериментов со временем, которые с недавних пор проводит Перплексус, – добавила мисс Сапсан и бросила виноватый взгляд на старшую имбрина. – Пожалуй, я должна перед ним извиниться.

– Я уже размышляла о том, – продолжала мисс Шилоклювка, – не из-за того ли возникают эти феномены, что какая-нибудь враждебная сила пытается повредить нашу петлю снаружи.

Нур вскинула голову:

– Как хакер, который пытается взломать код?

Имбрины посмотрели на нее с недоумением – и, похоже, решили сделать вид, что ничего не слышали.

– Наши предки называли подобные отклонения казня-ми, – сказала мисс Шилоклювка. – В прошлом такие фено-мены нередко предшествовали разрушению петли.

– Простите меня, – жалобно проговорила Нур. – Прости-те, пожалуйста! Мне очень стыдно!

– Что за чепуха? – удивилась мисс Сапсан. – За что нам тебя прощать?

– Это я во всем виновата. Я привела Мурнау к Ви. Из-за меня она погибла. Из-за меня вернулся Каул.

– Ну, если это и твоя вина, то на нем вина не меньше, – мисс Шилоклювка наставила палец на меня, и Нур от не ожи-данности вздрогнула. – Он же помогал тебе! И Фиона то-же виновата – зачем позволила себя поймать и вырезать се-бе язык? – продолжала имбрина. – И те подниматели мерт-вых, которые сидели смирно, пока твари переворачивали их драгоценное кладбище вверх дном в поисках альфа-черепа! Да и мы с Франческой, если подумать, тоже виноваты! Если бы мы раньше обнаружили подлог Бентама и выяснили, что речь идет о бурях, то вы насторожились бы сразу, как только увидели, что в петле Ви бушуют торнадо.

– Понимаешь? – обратилась к Нур мисс Сапсан. – Пере-стань себя винить! Все это вздор! Ты просто жалеешь себя, а это никому не идет на пользу.

– Ладно, – сказала Нур, сдавая позиции под их бурным, но в то же время добродушным натиском. Но я чувствовал, что для нее вопрос о том, кто виноват, еще не закрыт и все

куда сложнее, чем пытаются представить имбрины.

– Но что насчет Каула? Он уже напал на кого-нибудь? – Мне наконец удалось вернуть вопрос, который я до смерти хотел задать уже давно. – Где-нибудь появлялся?

– Пока нет, – ответила мисс Шилоклювка. – Насколько нам известно.

– Еще появится, – сказал я.

– О да. Несомненно. – Мисс Сапсан встала с дивана, пошла к окну и выглянула наружу, а потом повернулась к нам. – Но насколько я знаю своего брата, он нападет, когда никто не будет этого ожидать. И так, как мы не можем себе и представить. Он не станет спешить. Он осторожен и методичен... как и все твари.

– Минуточку, – вмешалась мисс Шилоклювка, выпрямившись настолько, насколько позволяла больная спина, согнутая скобкой. – Как вам удалось вырваться из петли до того, как она схлопнулась? Об этом вы еще не рассказали.

– Наверное, благодаря этой штуке, – сказала Нур, доставая из кармана необычный секундомер Ви.

Слезящиеся глаза мисс Шилоклювки вспыхнули любопытством:

– Можно посмотреть?

Нур протянула ей секундомер. Старая имбрина поднесла к нему монокль, висевший у нее на шее на тонкой цепочке, и тотчас воскликнула:

– Да это же темпоральный экспульсатор! – Перевернув

секундомер обратной стороной вверх, она добавила: — Удивительное дело. Мне говорили, их так и не выпустили в массовое производство. Мол, слишком уж они непредсказуемы. При перемещении могут вывернуть тебя наизнанку.

— Думаю, Ви держала его на крайний случай, — сказал я, стараясь не представлять себе тот склизкий кошмар, в который мы могли превратиться, если бы эта штуковина дала сбой. — Мы нашли его в руке Ви, когда очнулись на веранде у деда.

— Во Флориде? — Все это время мисс Сапсан глядела в окно, но тут резко обернулась. — Да, это можно понять. В конце концов, это же Эйб ее всему научил. И они работали вместе несколько лет...

— Она была имбриной, — сказал я. — Свою петлю Ви создала сама. Вы это знали?

Мисс Сапсан нахмурилась и переглянулась с мисс Шилокловкой.

— Я не знала.

— А я знала, — сказала мисс Шилокловка, отвечая на невысказанный вопрос мисс Сапсан. — Эйб познакомил меня с Велией, когда та была еще совсем юной. Попросил разрешения тайно обучать ее. И я разрешила — в порядке исключения.

— Надо было сказать мне, Эсмеральда, — упрекнула ее мисс Сапсан, не столько рассерженно, сколько с обидой.

— Ну уж прости. Но детям это никак не помогло бы в по-

исках. Скорее наоборот: у них опустились бы руки. Они подумали бы, что задача не имеет решения.

– Потому что невозможно найти петлю, не нанесенную на карты? – уточнил я.

Мисс Шилокловка кивнула.

– Когда мне сказали, что Велия скрывается в Америке, я предположила, что она создала свою петлю – убежище, о котором неизвестно ни одной живой душе. Но мне и в голову не могло прийти, что эта петля будет такой опасной! Надо же – намеренно выбрать место и время, где бушуют торнадо, и использовать их для обороны! Очень умный ход.

– Бесспорно, – согласилась мисс Сапсан. – Но как же, наконец, ей было там одиноко!

– Я бы хотела похоронить ее, – тихо сказала Нур.

– Нам пришлось оставить ее, – пояснил я. – Ее тело лежит в бункере моего дедушки.

– Мы не хороним имбрин. Вернее, хороним не так, как вы привыкли, – сказала мисс Шилокловка. – Но достойного прощания она заслуживает.

Отвернувшись, она забормотала что-то вроде молитвы на древнестранном языке. Скорбно опущенные углы рта и нахмуренный лоб превратили ее лицо в причудливую карту морщин и складок.

– Мы отправим команду за ее телом, – сказала мисс Сапсан.

– Я бы хотела поучаствовать, – сказала Нур.

– И я, – подхватил я. – Там все еще рыщет пустота. Пусть и раненая, но все равно.

– Вы никуда не пойдете, – отрезала мисс Шилокловка. – И это не обсуждается.

– Пустота? – напряглась мисс Сапсан. – То есть на вас напали?

– За двором дедушкиного дома наблюдала тварь, – сказал я. – А пустота пряталась в лесу. Похоже, они чего-то ждали, но наверняка не нас. Эта тварь очень удивилась, когда мы вдруг появились.

– А еще больше она удивилась, когда я перерезала ей глотку, – добавила Нур.

Мисс Сапсан явно расстроилась от этой новости:

– Иногда кажется, что силы моего брата бесконечны. Я была уверена, что мы перебили или захватили в плен почти всех.

– Почти, но не всех, – сказала мисс Шилокловка. – Все эти годы мы вели тщательный учет пустот. Думаю, та, с которой вы столкнулись сегодня, – последняя. А теперь, дети, будьте так добры, расскажите все, что еще осталось.

Я постарался изложить оставшееся быстро и четко. Рассказал, как мы спрятались в бункере Эйба. Охранная система, включавшаяся через телетайп, произвела на имбрин впечатление, но я – в который уже раз! – подумал о том, какую жертву ради меня принес дедушка, когда увел ту пустоту в лес и сражался с ней одним лишь ножом для писем, вместо

того чтобы спрятаться в бункере. Я рассказал имбринам о сумасшедшей гонке через Энглвуд на непослушной дедовой машине, под ураганным ветром и с разъяренной, раненой пу-
сто́той у нас на хвосте.

Теперь, вспоминая все это, трудно было поверить, что мы здесь, целы и невредимы, дышим тем же воздухом, что и наши друзья. Всего несколько часов назад я был почти уверен, что мы потеряли всех, кого знали, да и сами обречены.

– Ну? – сказал я. – И что теперь?

Лицо мисс Сапсан посуровело.

– Теперь мы попытаемся подготовиться к тому, что неизбежно произойдет. Хотя мы понятия не имеем, в какой форме и в каких масштабах.

– Будем называть вещи своими именами, – сказала мисс Шилокловка. – Грядет война. И я была бы счастлива заявить, что вас это не касается. Что это – забота имбрин, да и то не всех, а только старших, закаленных битвами ветеранов. Взрослых. – Она развернулась к нам всем корпусом. – Но это не так. Это касается вас напрямую. Особенно – лично вас, мисс Прадеш.

Нур выдержала ее взгляд, не моргнув и глазом:

– Я сделаю все, что потребуется. Я не боюсь.

Мисс Шилокловка подалась к Нур и похлопала ее по руке.

– Это хорошо. Хотя немного здорового страха не помешало бы. Самые бесстрашные обычно погибают первыми, а

вы нам очень нужны, моя милая. Очень нужны. – Она взялась за трость, прислоненную к коляске, и дважды ударила бронзовым наконечником в пол. Дверь тут же распахнулась, и в кабинет вошли две ученицы. – Объявите срочное внеочередное собрание Совета имбрин. Затем проводите меня в зал совета.

– Да, мадам, – в один голос ответили девушки и бросились выполнять приказ, взмахнув широкими юбками.

– Я провожу Джейкоба и Нур, а потом присоединюсь к вам в зале совета, – сказала мисс Сапсан. – Ваши друзья уже заждались, а между тем им предстоит услышать весьма тревожные новости. Я помогу вам сообщить все, что нужно.

Мисс Шиноклювка горестно взглянула на нее:

– Вы хотите сказать им прямо сейчас? Может, не стоит? Я бы предпочла оповестить все население разом – и только после того, как мы обсудим ситуацию на Совете.

– Но я не вправе требовать от Джейкоба и Нур, чтобы они лгали своим друзьям! К тому же заставлять детей ждать еще дольше – это просто жестоко.

Мисс Шиноклювка кивнула.

– Да, пожалуй, они заслужили узнать обо всем первыми. В конце концов, они столько для нас сделали... Но смотрите, чтобы посторонним – ни слова о... о нем!

– Само собой, – сказала мисс Сапсан и вывела нас с Нур в вестибюль, где Енох бессовестно подслушивал, припав ухом к двери.

– О ком это «о нем»? – спросил он, шагая за нами следом. – Кто этот «он»?

– Мистер О’Коннор! Мне казалось, я просила ждать нас в Доме-над-Канавой! – процедила мисс Сапсан. – Вскоре вы узнаете все, что вам следует знать.

– Мне все это не нравится, – проворчал Енох. – Кстати, вам двоим не мешает хотя бы умыться. Вы черт знает на что похожи! И, если честно, от вас пахнет. Уж если даже я такое говорю, можете себе представить всю степень... скажем так, запаха.

Нур оглядела свою блузку в пятнах засохшей грязи и крови, и поморщилась. Напротив бывшего кабинета Бентама были туалеты, а Франческа оставила у дверей стопку полотенец и сменную одежду.

– Да-да, конечно, переоденьтесь, но побыстрее, – сказала мисс Сапсан. – Не хочу опоздать на собрание.

Терзаясь совестью, я все-таки потратил лишние полминуты, чтобы подержать руки под струей горячей воды, смыть с лица запекшуюся грязь и почистить уши. Мне это было необходимо – хоть несколько секунд побыть одному, немного перевести дух. Сбросив рваную рубашку и промокшие джинсы, я переоделся в то, что принесли Франческа и СиGRID. Сказать по правде, я бы и костюм розового кролика надел с радостью, лишь бы ни минуты дольше не оставаться в рубашке, испачканной кровью Ви, – но, к счастью, до такого унижения не дошло. Мне досталась обычная старин-

ная одежда: белая рубашка без воротника, но зато с уймой пуговиц, черные брюки, черная куртка и черные ботинки. Руки тряслись, но я заставил себя замедлиться, дышать глубоко и сосредоточиться на мелких движениях, которые были нужны, чтобы застегнуть все эти бесконечные пуговицы. После нескольких попыток дыхание выровнялось. По размеру все подошло, даже ботинки. К костюму прилагались жилет и галстук, но соперничать с Горацием за звание главного модника я не собирался и оставил их на туалетном столике, а грязную одежду бросил в угол.

«Пора идти», – сказал я себе, но все еще медлил. Постоял немного, пригладил волосы и подошел к зеркалу в золоченой раме. Я так устал, что чувствовал себя столетним стариком, – но выглядел вроде бы неплохо.

Картины висели не только в вестибюле, но и по всему туалету. Мне бросилась в глаза фотография Бентама над туалетным столиком. Как странно. На Бентаме был такой же костюм, какой я только что надел, плюс еще цилиндр, галстук и цепочка от карманных часов. По бокам от него стояли животные – вероятно, странные: козленок и маленькая собачка. Бентам смотрел прямо в объектив – как обычно, невесело и сурово.

«Что же с тобой случилось? – мысленно спросил я, глядя ему в глаза и думая о том, что Бентам застрял вместе с Каулом в Библиотеке Душ. – Если твой брат воскрес, то, может, и ты вернулся?»

И тут, хотите верьте, хотите нет, его губы шевельнулись. Меня словно током ударило: я подпрыгнул и бросился вон из туалета.

Нур уже ждала снаружи и явно чувствовала себя не слишком удобно в новой одежде — длинном, по щиколотку, полосатом черно-белом платье. Волосы ее были наспех стянуты в хвост, а лицо сияло чистотой. «Как же здорово, — подумал я, — что ей почти ничего не нужно, чтобы оставаться красивой!»

— Выглядишь потрясающе! — выпалил я.

Нур покачала головой и хмыкнула, словно я сказал невыносимую банальность.

— Я выгляжу так, словно собралась на похороны в цирке, — отрезала она и улыбнулась, теперь уже от души. — А вот тебе этот костюм идет. — Она окинула меня взглядом и вздохнула. — Ну что, как ты?

Этот вопрос мы задавали друг другу постоянно. Что и говорить, времена были беспокойные, так что лишний раз спросить не мешало.

— Нормально, — сказал я. — А ты?

За этими, на первый взгляд, простыми вопросами скрывались сотни возможных оттенков смысла. В данном случае я интересовался двумя вещами: «Что ты столько времени делала в туалете?» и «Удалось ли тебе хоть на минуту перестать прокручивать в голове фильмы ужасов?»

Она пожала плечами:

– Из каких только мест не пришлось выковыривать грязь! Ты не согласишься! – А потом уже серьезно добавила: – Со мной все в порядке.

Мы и так стояли совсем рядом, но она подошла вплотную и положила голову мне на плечо.

– Прости, пожалуйста. Когда я нервничаю, все время на что-нибудь жалуюсь.

Я прижался щекой к ее волосам.

– А мне казалось, ты жужжишь и вибрируешь, когда нервничаешь.

– Нет, но надо попробовать.

Я обхватил ее руками и крепко прижал к себе. Где-то внутри у меня был такой индикатор – датчик уверенности, измеритель храбрости, что-то в этом духе, – и всякий раз, когда я прикасался к Нур, стрелка этого воображаемого прибора подскакивала на максимум.

– Готова? – спросил я.

– Готова исповедаться в своих грехах, – промолвила она, и не успел я возразить против такого выбора слов, как мисс Сапсан и Енох ворвались в вестибюль и потянули нас к выходу.

Глава пятая

Прогулка по Дьявольскому Акру вышла сюрреалистическая. То есть в еще большей степени, чем всегда. Дело было не в странном небе – темно-лиловом, словно синяк, а не тошнотворно-желтом, как обычно, и не в сугробах пепла, взметавшегося у нас из-под ног, и не в темных потеках застывшей крови на стенах домов. Дело было в самой идее – от которой, впрочем, легко было отвлечься. В мысли о том, что теперь мы живем в кошмарном сне, в обреченном мире, где уже произошло все самое ужасное, что я только мог представить, – за исключением гибели всех, кого я любил. Это был суровый, непреложный факт. И эту чудовищную новость нам предстояло сообщить всем нашим друзьям.

Енох продолжал меня донимать: «Кто такой этот „он„? Это тот, о ком я думаю? Так это из-за него меня чуть не оглушило костями, посыпавшимися с неба? Он вернулся?» Но я ничего не отвечал, и в конце концов мисс Сапсан пришлось вклинить между нами, чтобы Енох оставил меня в покое.

До сих пор я не задумывался о том, как по-дурацки спроектирован Дом-над-Канавой. И только сейчас, когда увидел его снова, перейдя последний мостик над узким притоком Тифозной канавы, до меня дошло, что это действительно полный бред. Четвертый этаж был вдвое шире первого, так что все здание напоминало перевернутую пирамиду. Оно бы

наверняка давно уже рухнуло в канаву, если бы не целый лес деревянных подпорок и свай, поднимавшийся до верхних этажей. Пытаясь как-то сгладить неприятное впечатление, Фиона украсила дом цветами – оплела его весь ветвями пурпурного шиповника, такими длинными и толстыми, что они превратились в дополнительную опору. Шиповник обвивал сваи и расползался по стенам из окон. Но у меня он не вызвал ничего, кроме ужаса, напомнив о тех лианах, которые опутали нас на Могильном Холме и заставили беспомощно наблюдать, как зверствует Мурнау.

Распахнулась парадная дверь. Оливия, грохоча ботинками, сбегала по хлипким ступеням крыльца и налетела на меня с объятиями:

– Никогда... больше... так... не делай!

Следом показались остальные – Гораций и Миллард, Клэр и Хью. Застряли в дверях, но, потолкавшись немного, вырвались наружу и ринулись к нам, обступили со всех сторон и засыпали вопросами.

– Это и правда они?! – воскликнул Гораций.

– Это и правда они! – пропела Оливия и, закружившись, бросилась на шею Нур.

– А мы вас повсюду искали! – Клэр уставилась на нас испуганными, широко раскрытыми глазами. – Вас похитили?

– Это их единственное оправдание! – проворчал Хью, стиснув меня в объятиях. – А то ведь даже записки не оставили!

– Они вам все расскажут, – вмешалась мисс Сапсан, поглядывая на окна окрестных домов, где уже замаячили любопытные соседи. – Но сначала мы зайдем в дом.

Мы ввалились в прихожую одним встревоженным клубком: друзья так и липли к нам, не умолкая ни на секунду. Вскоре обнаружилась и Фиона: она лежала под грудой одеял на кушетке, стоявшей посреди кухни, а вокруг, по усыпанному сеном полу, бродили куры. Как пояснил Хью, ей больше нравится здесь, в этом уютном беспорядке, а не в спальне наверху, да и мисс Сапсан разрешила ей спать где угодно, пока она выздоравливает.

Я подошел и наклонился, чтобы обнять ее. Фиона радостно улыбнулась.

– Надеюсь, тебе уже лучше, – сказал я.

Ответить словами она не могла, но энергично закивала и поцеловала меня в щеку. Курица, которую она держала на руках, закудаhtала и встопорщила перья – видно, ей не хотелось делить Фиону со мной.

Но тут мисс Сапсан потребовала тишины и подозвала нас с Нур к себе. Мы встали посреди кухни, а друзья расселись вокруг – кто на шатких деревянных стульях, кто прямо на полу. У всех на лицах читалась тревога, не меньшая, чем была у меня на душе. Мне не терпелось покончить с этим и рассказать нашу историю в последний раз – и я всем сердцем надеялся, что этот раз и вправду станет последним. А еще меня беспокоило, как они отреагируют. Что, если они

нас возненавидят? Или впадут в отчаяние?

Мы рассказали все. Друзья слушали нас в угрюмом, потрясенном молчании. Когда мы, наконец, тоже умолкли, казалось, даже воздух в комнате стал тяжелым, как свинец. Клэр и Оливия, сидевшие на полу, переползли поближе к Бронвин и свернулись клубочками у ее ног. Клэр плакала. Гораций забрался под кухонный стол. Хью с каменным лицом сидел на кушетке рядом с Фионой, а та держала его за руку и смотрела в пол. Эмма – а ее реакция волновала меня больше всего – нервно перебирала волосы, сплетая их в узел. Сейчас она была гораздо бледнее, чем полчаса назад, когда мы только начали свой рассказ.

– Ты не сказал о том, что случилось в конце, – выдохнула она. – Ты говорил, что вы нашли Ви, но не сказал, что...

– ...что он вернулся, – закончил за нее Енох. – Значит, вот кто такой этот «он».

– Он вернулся, – сурово кивнул я. – И да, он и есть «он».

– Ох, святые птицы... Господи... Черт подери... – бормотал Гораций из-под стола. – Это и есть то лицо, которое я видел во сне!

Миллард поднялся и мрачно объявил:

– Вы разбили мне сердце. Вдребезги.

– А Ви и правда... больше нет? – робко спросила Оливия.

Нур кивнула и тихо ответила:

– Да. Ее больше нет.

Оливия подбежала к Нур, уткнулась ей в бок и заплакала.

– Но что все это значит для нас? – спросил Хью. – Что теперь будет?

– Значит, это из-за Каула начались казни? – подала голос Бронвин. – Перплексус ни при чем?

– Мы полагаем, что да, из-за Каула, – ответила мисс Сапсан.

– Конечно! Из-за кого же еще! – воскликнула Эмма.

– И это наверняка еще только разминка, – заметил Гораций. – Амюз-буш³, так сказать.

– Да, оркестр пока разыгрывается, – согласился Миллард. – Но скоро этот негодяй ударит в полную силу, и тогда кровавым дождем мы не отделаемся.

– Мы обречены! Мы все погибнем! Это конец! – запричитала Клэр.

– Он всего лишь человек, – сказал Эддисон, и я только теперь заметил, что он сидит у двери. – К тому же почти все его приспешники мертвы или в тюрьме. А что до его пустоты, то разве она не по зубам юному Джейкобу?

– Ты не понимаешь, – вздохнула Эмма. – Каул уже не человек. Ты просто не видел. Ты не был в Библиотеке Душ, когда он превратился в это... существо...

– В библиотеки меня, как правило, не пускают, – Эддисон задрал нос, – так что я бойкотирую их из принципа.

– Это не обычная библиотека, – сказал Миллард. – Это

³ *Фр.*, буквально: «развлечение для рта» – легкая закуска перед подачей основных блюд.

хранилище душ странных людей, живших в древности. Их там тысячи, и многие из них необычайно могущественны. Когда-то, много веков назад, нехорошие странные люди узнали, как проникнуть в эту Библиотеку, украсть из нее души и присвоить их способности.

– Они хотели превратиться в богов, – подхватила мисс Сапсан. – И отчасти преуспели. Но они враждовали между собой, из-за чего страдал весь мир – от засухи, наводнений, эпидемий... Еще немного, и они уничтожили бы все на свете. Но наши предки, древние имбрины, сумели спрятать от них Библиотеку Душ. И она оставалась скрытой так долго, что превратилась в легенду. Мало кто в нее верил, до тех пор пока мой брат не разыскал ее и не пробрался внутрь. Нам удалось разрушить петлю и заточить его в ловушке. Мы надеялись, навсегда... Но его главный приспешник, как вы только что слышали, недавно его воскресил.

– Все случилось точно по сценарию, предсказанному давным-давно, – заметил Гораций. – А еще этот сценарий предполагает апокалиптическую войну, похожую на древние войны. После нее земля превратится в бесплодный камень, изрытый воронками. А мы, надо полагать, превратимся в трупы.

– Наверняка, – кивнул Енох. – Каул нас ненавидит.

– Позвольте подвести итог, – Эддисон поднял бровь. – Вы считаете, что он вобрал в себя какие-то из этих невероятных и ужасных сил. И, следовательно, больше не нуждается ни в

свите, ни в армии порождений тьмы.

– Такова рабочая гипотеза, – подтвердил Миллард.

– Но на самом деле никто из вас его не видел, – продолжал Эддисон. – Кроме одного американского мальчика, которому он явился в облаке, и еще одного мальчика, который сейчас дрожит от страха под столом и уверяет, что видел его во сне.

– Мы все видели его в Библиотеке Душ, перед тем как петля начала разрушаться, – возразила Эмма. – Он был похож на гигантское злое дерево. – И вполголоса добавила: – Это было гораздо страшнее, чем кажется, когда слышишь эти слова.

– И это после того, как он поглотил всего один сосуд с душой, – заметил я. – А кто знает, сколько душ он еще вобрал в себя, пока сидел там?

– Может, вообще все, какие были! – Эмма испуганно посмотрела на мисс Сапсан. – Это возможно?

Мисс Сапсан сжала губы, потом сказала:

– Здесь мы вступаем в область гипотез, не поддающихся проверке. Попросту говоря, мы не знаем.

– Если ему это удалось, то он теперь непобедим! – вскричал Гораций.

– У кого-то совсем шарики за ролики заехали, – закатил глаза Енох.

– Мои шарики, мне и решать, куда им ехать! – вспыхнул Гораций. Выбравшись из-под стола, он встал и продол-

жил, бешено размахивая руками: – Каул годами пытался наложить лапу на ингредиенты для воскрешения! Он сам этого хотел! Он это планировал! Он с самого начала так и собирался – застрять в Библиотеке, чтобы потом его вернули! Да он ни за что не полез бы в ловушку, если бы не был уверен, что выйдет из нее лучше прежнего, сильнее и опаснее! Теперь-то он не просто злое дерево, попомните мои слова! И нет, мне это не приснилось! Просто у меня есть мозги!

Все молча таращились на Горация. Верхняя губа у него задрожала, а следом за ней затряслось и все тело.

– Пожалуй, вернусь под стол, – заключил он.

– Не вздумай! – Эмма вскочила и схватила его за руку. – Мы больше не будем прятаться, трястись от страха и убегать от опасности. Правильно я говорю, мисс Сапсан?

– Я очень надеялась, что кто-то из вас это скажет, – ответила имбрина.

– Да и я всегда считал, что вы, люди, крепче духом, чем кажется, – проворчал Эддисон.

– Не понимаю, почему вы так говорите, будто бежать от опасности – это что-то плохое, – заметил Гораций. – Даже футболистам известно, что лучшее нападение – это хорошая защита. – Он посмотрел на меня, но я помотал головой, выражая решительное несогласие. – Ну, неважно, что вы там думаете. Все равно я прав. Какой смысл оставаться в Дьявольском Акре, где Каул может накрыть нас всех? Он не только знает, где нас найти, – он изучил эту петлю вдоль и

поперек. Он годами держал здесь свой главный штаб.

– Нельзя показывать ему, что мы испугались, – сказала Бронвин, с застывшим лицом глядя перед собой. – Даже если мы и правда боимся.

– Здесь, все вместе, мы сильнее, – добавил Хью, и Фиона кивнула. – Кроме того, здесь Панпитликум. Это наше самое мощное оружие. А если мы уйдем, оно достанется ему.

– Да на черта ему сдался этот Панпитликум? – взвился Гораций, снова переходя на крик. – Он теперь всемогущий и вездесущий! По сравнению с этим какой-то коридор со входами в петли – просто детские игрушки!

– Если бы он стал всемогущим, мы бы уже были мертвы, – возразила Эмма. – Возьми себя в руки и перестань пугать малышей!

– Я ничего не боюсь! – заявила Оливия, ударив себя кулачком в грудь.

Мисс Сапсан тихонько кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Вы должны понять кое-что важное о моем брате, – сказала она. – Честно говоря, я сомневаюсь, что он желает нашей смерти. Точнее сказать... – она слегка поморщилась, – ...он не против избавиться от меня и, возможно, от Джейкоба. Но вряд ли в его планы входит перебить всех остальных. Чего он на самом деле хочет, так это могущества и власти. Всю свою жизнь, полную горечи и злобы, он мечтал об одном – стать королем и повелителем странного мира, чтобы ему

поклонялись все, кто в детстве над ним смеялся.

– Значит, он нас поработит, – сказал Енох. – Заставит лизать себе ботинки, петь хвалы, а по выходным совершать вылазки и убивать нормальных, или как он там еще захочет развлекаться.

Пока он говорил, Эмма забралась на кухонный стол и топнула ногой. Ножи и вилки со звоном подпрыгнули.

– Может, хватит уже раскручивать все эти ужасные сценарии? Нельзя просто взять и отказаться от надежды! Мы ведь пока не понимаем даже масштаба того, чему придется противостоять. Возможно, Каул и в самом деле стал очень сильным – и да, мы пока даже не представляем насколько. Но ведь и мы тоже сильны! Нам хватило сил, чтобы несколько раз сорвать его планы и задать ему серьезную трепку. Мы уже не просто горстка странных детей. На нашей стороне сотни взрослых странных людей, готовых сражаться: все жители Акра и все, кого можно позвать на помощь через Панпитликум. Я уж не говорю о наших способностях, о нашем опыте, о десятках имбрин и... и...

– И Нур, – подхватил Гораций. – У нас есть Нур.

Нур вскинула голову так резко, словно все это время дремала, а теперь ее разбудили.

– Да, конечно, – сказала она. – У вас есть я, хотя никто толком не знает, на что я гожусь.

– А на что она годится? – поинтересовался Эддисон.

– Если верить пророчеству, – ответил Гораций, и его голос

звучал ниже и торжественней, – и если учитывать, сколько уже сбылось, то я склоняюсь к мысли, что Нур может оказаться нашим самым ценным преимуществом в надвигающейся войне.

– Не хватает еще шестерых, – заметила Нур.

– Простите, но я, похоже, запутался, – сказал Эддисон.

– Ничего, скоро привыкнешь, – буркнула Клэр.

– В пророчестве сказано, – продолжал Гораций, – что семеро странных, и одна из них – Нур, должны запечатать дверь.

– Должны, – повторил Енох. – Заметьте, только должны. Нигде не сказано, что им это удастся.

– «Для того чтобы покончить с ужасами войны, семеро должны запечатать дверь», – процитировал Гораций. – Это лучший из всех вариантов перевода, какие у нас есть. Еще там что-то говорится о «спасении» странного мира, но эта часть не совсем ясна.

– А куда ведет дверь, которую надо запечатать? – осведомился Эддисон.

– Мы не знаем, – сказал Гораций.

Эддисон скептически на него посмотрел:

– И как ее запечатать?

– Неизвестно.

– А известно, где остальные шестеро? – Эддисон завертел головой, оглядывая присутствующих.

Мисс Сапсан покачала головой:

– Пока нет.

– Ради всех щенков на свете, вам хоть что-то известно?! – возопил Эддисон.

– Боюсь, не так уж много.

– Ладно, вы меня убедили. – Эддисон упал на пол и прикрыл лапами глаза. – Мы и вправду влипли по самые уши.

Прежде чем отправиться на внеочередное собрание Совета имбрин, мисс Сапсан заставила всех поклясться, что никто и словом не обмолвится другим жителям Акра о том, что сегодня услышал.

– Ни единой живой душе! – предупредила она. – Пока мы не выработали план действий, все подобные разговоры будут только сеять панику.

– А-а, так вот зачем созвали Совет, – не без сарказма протянул Хью. – Выработать план действий.

Клэр бросила на него такой взгляд, от которого скисло бы даже свежее молоко.

– Да, мистер Апистон, – сказала мисс Сапсан, сделав вид, что не замечает насмешки. – Именно так. – Она обвела всех суровым взглядом и добавила: – Будет лучше всего, если все вы останетесь дома пока я не вернусь. Я достаточно ясно выразилась?

Казалось, она уже начала жалеть, что мы рассказали о случившемся: все отреагировали по-разному, но все испугались, и появились вопросы, на которые она не готова была отвечать. Из-за этого наши друзья еще больше разволнова-

лись, а разволновавшиеся странные дети, чересчур независимые и далеко не всегда послушные, – это совершенно лишняя головная боль. Потому-то она и решила, что нас лучше изолировать. На несколько часов, а может, и дольше – кто знает, на сколько затянется собрание имбрин!

Разумеется, как только она ушла, кое-кто принялся ворчать, что мисс Сапсан до сих пор нам не доверяет и обращается с нами как с малыми детьми. Клэр, которая всегда принимала сторону имбрин, возражала. «Мы ведь и правда еще дети, – сказала она. – К тому же пока некоторые из нас продолжают делать глупости... например, сбегать через Панпитликум, никому ничего не сказав... – тут она смерила меня долгим многозначительным взглядом, – никакого другого обращения мы, возможно, и не заслуживаем». Разгорелся спор о том, какой возраст считать настоящим – физический или тот, что накопился за годы жизни в петле. Можно ли сравнивать восемьдесят лет, проведенных в одном и том же дне, с нормальной жизнью в реальном мире? И как влияет на душу и сердце это неизменное, однообразное существование? Тут я почувствовал, что ужасно устал, и тихонько улизнул наверх, в спальню.

Я рухнул на кровать, которая, надо полагать, принадлежала Горацию: она одна была заправлена как следует – уголки одеяла плотно подвернуты, подушки взбиты. Улегшись на бок, лицом к окну, я стал смотреть на мягко падающий пепел. На тумбочке бормотало радио – диктор читал утренние

новости. Я хотел его выключить, но не дотянулся до приемника: от усталости все тело словно превратилось в кисель. Я задумался, каким образом радио, находящееся внутри петли, может ловить станцию, которая находится снаружи, но тут диктор произнес: «Новости регби: „Каннибалы Дьявольского Акра“ четвертый раз подряд за этот сезон одержали верх над „Эмурафами Баттерси“».

Значит, радиостанция все-таки внутренняя! С каких это пор в Дьявольском Акре завелось свое радио? Низкий, масляный голос диктора звучал гипнотически, и в сонном оцепенении я некоторое время прислушивался к новостям.

«„Абердинские угри“ мисс Мухоловки неожиданно уступили „Паразитам Килларни“ мисс Синицы первенство в чемпионате по болотному плаванию, завоеванное лишь месяц назад. Единогласным решением судей лучший пловец команды „Угрей“ дисквалифицирован, так как обладает жабрами и, следовательно, нарушает правило Посейдона. Новости Дьявольского Акра: ведущий актер труппы мисс Скворец и его дублер в постановке „Соломенного зверинца“ слегли, заболев легкой формой чумы, Вечерний спектакль отменяется. И о погоде: по-прежнему продолжают так называемые казни. На Изнуренной авеню перед самым рассветом прошел дождь из рогатых улиток, а во второй половине дня по всему Акру ожидается пеплопад. Окончательного ответа на вопрос, чем вызваны эти аномалии, до сих пор нет, хотя слухи множатся. Будьте осторожны, дорогие странные слу-

шатели! Происходит что-то странное – и далеко не в лучшем смысле этого слова. С вами был Амос Декстер, радио СТР, „Голос Дьявольского Акра“. Прошу прощения у всех, на кого с утра пораньше нагнал тоску, и спешу искупить свои грехи. В эфире старый добрый хит Кшиштофа Пендерецкого „Плач по жертвам Хиросимы“: его тревожные дисгармонии наверняка помогут вам взбодриться».

To a big fan,
Amos
Destaine

Зазвучала какая-то классическая... ну, допустим, музыка, хотя скрипки визжали так, словно их истязали полчища чертей, и это наконец сподвигло меня перекатиться на самый край кровати, выпростать руку из уютного гнездышка одеял и выключить приемник. Заодно я заметил снимок в рамке, который стоял на тумбочке за приемником, – это была фотография самого Амоса Декстера с дарственной подписью Горацию. Казалось, диктор подмигивает в камеру из-под темных очков, ухитряясь держать в одной руке рожок с мороженым и сигарету, пока вторая рука занята зонтом.

Я заснул и увидел во сне оркестр: музыканты в смокингах горели заживо, но продолжали играть. Через некоторое время кровать затряслась, я проснулся и понял, что рядом со мной плюхнулся Енох.

– Прости, Портман. Знаю, дневной сон – это святое, но у нас под дверью пустота, и она явно жаждет поболтать с тобой по душам.

– Чего?! – Я вскочил как подорванный, расшвыривая одеяла.

– Да шучу я, шучу. Без тебя у нас быстро становится скучно. Господи, ну ты и взвился!

Я пихнул его в плечо:

– Никогда больше так не делай!

Енох ответил таким тычком, что я чуть не свалился с кровати.

– Ты что, не отличаешь, когда я шучу?

– Однажды тебе придется звать на помощь по-настоящему, а я после таких шуточек уже ничему не поверю. И делом тебе будет.

На лестнице раздались шаги, и через несколько секунд в спальню ворвалась Эмма:

– За нами пришел Улисс Кричли из Управления Временных Дел. Созывают собрание.

Я свесил ноги с кровати.

– Имбрины?

– Да. Но зовут не только нас. Собирают весь Акр.

– Они хотят рассказать всем?

– Думаю, они хотят сделать из Каула отбивную. – Эмма нетерпеливо забарабанила пальцами по стене. – Давай уже, обувайся!

Глава шестая

До сих пор в Акре еще ни разу не созывали обязательно-го всеобщего собрания. Из всех громкоговорителей гремел приказ: немедленно бросить все свои дела и поспешить на место сбора. Шагая по улице, мы видели, как странные люди стекаются со всех сторон к лекционному залу. Толпа у здания становилась плотнее, очередь к входу была длиннющая. Мы пристроились в хвост и стали черепашным шагом продвигаться вместе со всеми. Вскоре Миллард донес, что такой затор возник не из-за количества народу, а из-за того, что на входе стоят два охранника и обыскивают каждого, прежде чем пропустить внутрь.

– Что они ищут? – спросила Нур. – Оружие?

– Мы сами по себе оружие, – улыбнулся Хью.

– А некоторые помощнее других, – добавила Эмма.

Досматривая Еноха, один из охранников похлопал его по заднице, проверяя карманы.

– Эй, а поцеловать? – возмутился тот.

Охранник вытащил у него из кармана запотевшую колбу и прищурился, пытаясь разглядеть содержимое:

– Это что такое?

– Сердце убийцы в растворе гималайской соли.

Охранник встряхнул колбу и чуть не уронил.

– Осторожней, болван! Оно мне дорого как память! –

рывкнул Енох, выхватывая колбу у него из рук. – Давай уже, пропускай! Будто ты не знаешь, кто мы такие!

Страж порядка расправил плечи:

– Да будь вы хоть бабушки верховной имбрины, мне плевать! Приказано досматривать всех до единого...

Второй охранник наклонился к нему и что-то прошептал на ухо. Первый заскрипел зубами, проглотил свою гордость и махнул нам рукой: «Проходите». Мы гуськом двинулись через порог. Когда я проходил мимо охранника, тот натужно улыбнулся: «Прошу прощения, мистер Портман, я вас не сразу заметил».

Эмма потрепала Еноха по плечу:

– Эх, не судьба тебе сегодня блистать. Боюсь, мы все здесь – только свита.

Енох засмеялся и покачал головой.

В качестве последней меры предосторожности нам велели предстать перед странным молодым человеком с разными глазами, чтобы он на нас посмотрел. («Прости, но даже тебе придется», – сказал мне второй охранник.)

Молодой человек осмотрел меня всего – с головы до пят и обратно, а потом уставился прямо в лицо.

– Что это он такое делает? – спросил я.

– Сканирует твои намерения, – пояснил Миллард. – Определяет, добрые они или дурные.

Я почувствовал, что под взглядом человека-сканера лоб понемногу теплеет. Когда стало совсем жарко, я хотел уже

пожаловаться, но тут разноглазый отвернулся и кивнул охране.

Нас пропустили внутрь и направили по каменному коридору, освещенному газовыми рожками и гудящему отголосками – шум толпы эхом отдавался от стен. Нур шла рядом со мной.

– Что-то они слишком расстарались, – заметила она с подозрением.

– Наверное, опасаются всяких психов, – отозвался я.

– И я их не виню, – вмешался Гораций. – Представьте, что будет, если кто-нибудь заложит тут бомбу! Он же разом уничтожит девять десятых всех британских имбрин, а заодно и несколько иностранных.

– Ну, спасибо, утешил, – проворчала Нур. – Теперь мне гораздо спокойнее.

Енох всю дорогу дразнился, кланяясь и расшаркиваясь, пока не вогнал меня в краску:

– Прошу прощения, мистер Портман, здесь направо! Ах, мистер Портман, на ваши ботинки налипла грязь! Скажите только слово, и я их вылижу начисто!

– Хватит валять дурака, – в конце концов одернула его Нур. – Джейкоб никогда и ни от кого не требовал, чтобы с ним так обращались.

Но Енох и перед ней согнулся в три погибели:

– Простите, мадам! Не хотел вас оскорбить, мадам!

Нур шутливо толкнула его. Енох сделал вид, будто отлетел к стене, и принялся кланяться и ей, извиняясь, что нечаянно толкнул ее. Тут уж мы все расхохотались от души. И до чего же хорошо было посмеяться и увидеть, как смеется Нур, – пусть это и было лишь минутным облегчением!

Наконец, коридор закончился, и мы очутились на верхнем ярусе лекционного зала, который, как сообщил мне Гораций, изначально был предназначен вовсе не для лекций. Это был старинный операционный театр, в котором зрители могли наблюдать хирургов за их неприглядной работой. Ярусы грубо сколоченных деревянных скамей расходились концентрическими кругами от круглой сцены, посреди которой возвышалась платформа длиной в человеческий рост. Повсюду ярко пылали газовые рожки – и в огромных канделябрах, свисавших с потолка, и в железных подфакельниках,

рядами тянувшихся вдоль стен.

Мы спустились на второй ярус и расселись на длинной изогнутой скамье, где специально для нас придержали свободные места. Амфитеатр быстро заполнялся.

– Когда-то это здание принадлежало медицинской школе, – продолжал Гораций свою историческую лекцию. – Но твари стали проводить здесь чудовищные эксперименты на странных людях. Пришивали к человеческим телам части животных. Пытались создать гибрид человека с пустотой. Меняли мозги между телами – просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Видишь там, на сцене, металлическая решетка вделана в пол? Это для того, чтобы туда стекали...

– Понял, понял, – я вскинул руку, призывая его замолчать.

– Извини. Но, понимаешь, чтобы избавиться от всяких жутких картинок в голове, иногда приходится с кем-нибудь ими поделиться. Да, знаю, это очень эгоистично...

– Ничего страшного, – сказал я, теперь уже чувствуя некоторую вину. – Мне можешь спокойно рассказывать все, что хочешь.

– Нет, нет, так нельзя. Я понимаю, что это мерзко.

Он умолк и несколько секунд сидел неподвижно, только его колено слегка подергивалось. Вид у него был такой, словно он сейчас лопнет.

– Ладно уж, давай, выкладывай.

– Это для того, чтобы туда стекали кровь и кишки! – выпалил он. – Ну, в смысле, эта решетка. А какая тут стояла

вонь! Просто неопишутемая!

Он с облегчением выдохнул, исчерпав запас подробностей, а я поинтересовался:

– Ну что, полегчало?

– Даже не представляешь насколько! – улыбнулся он застенчиво.

Зал заполнился уже до половины. В Акре сейчас проживало больше сотни странных людей, и почти все явились на зов. Все были в ужасе от причуд погоды и надеялись, наконец, получить объяснение. К своему удивлению, я многих узнавал. Улисс Кричли оставил нас, усевшись со своим отрядом из Управления Временных Дел – крепкие ребята в черных костюмах громко шикали на тех, кто, по их мнению, слишком шумел. Напротив нас сидела театральная труппа мисс Скворец – только что с репетиции, в диких костюмах зверей и птиц. Ярусом ниже устроился Харон с четырьмя здоровяками-кузенами, все в одинаковых черных плащах. Только у самого Харона лицо было скрыто под капюшоном, его кузены всегда ходили с непокрытой головой. Их волосы сверкали серебром, но лица казались совсем юными, а мощные подбородки и высокие скулы привлекали немало томных женских взглядов. Впрочем, кузенам было не до женщин: они о чем-то шептались, ни на кого не обращая внимания. Рядом с ними извивалась и ерзала на скамье семейка полурыб, обитавших в Канаве: Зуд, его супруга и двое чешуйчатых детишек. Под ними уже собралась большая лужа, стекавшая ру-

чейками по ступеням. Полурыбы громко ворчали, жалуясь на неудобную одежду, то и дело прыскали на себя водой из грязной бутылки и, казалось, считали секунды до того счастливого момента, когда можно будет, наконец, сбросить с себя все эти тряпки и вернуться в Канаву.

На верхнем ярусе стояло с полдюжины охранников и с ними тот молодой человек, который сканировал нас глазами. Все напряженно следили за толпой.

Удивило меня и то, что в зале обнаружилось несколько американцев: Антуан Ламот, которому гордость не позволяла сесть на скамью, уподобившись простым смертным, – на сей раз в енотовой шубе, которая шевелилась сама по себе; долговязый телохранитель в меховых ковбойских гамашах и кожаной куртке с бахромой; и еще несколько человек из Северного клана, которых я помнил по Марроубону, но не знал их имен. И уж окончательно я удивился, когда заметил детей из петли прорицателей: Пола, Ферна и Алину. Все в лучших воскресных нарядах. Пол явно нервничал, а девочки холодно оглядывали зал из-под широкий полей своих шляп. Я сделал в уме пометку: разыскать их после собрания, поздороваться и спросить, как они добрались до Акра. Их петля в Портале, штат Джорджия, – не ближний свет. Им пришлось лететь самолетом либо предпринять такое же долгое путешествие до Нью-Йорка, какое мы с друзьями проделали, чтобы попасть в петлю, связанную с Акром.

В нескольких ярусах от них расположились еще амери-

канцы – те, кого я предпочел бы больше не встречать. Там были Неприкасаемые из клана Песьей Морды: мальчик с пульсирующим и, вероятно, разумным нарывом на шее; Хэтти Половинка, представлявшая собой половину женщины в буквальном смысле слова – голову, руки и торс до пояса; она сидела – или стояла? – на коленях девочки-бородавочника с торчащими изо рта огромными кабаньими клыками. С ними сидели еще двое, которых я раньше видел лишь мельком, да и то в темноте. Неприкасаемые перешептывались, указывая то на одного странного из зала, то на другого. Было такое чувство, словно они нас оценивают, и я невольно задумался о том, что у них на уме.

Эмма перехватила мой взгляд.

– Не понимаю, зачем имбрины пустили их в Акр, – высказалась она. – Да, конечно, они нам немножко помогли, когда дела пошли из рук вон плохо, но все равно – это же просто банда наемников!

– Хотите знать, насколько я им верю? – подхватил Енох. – Ровно настолько, сколько они пролетят, когда я их схвачу и брошу.

– И я, – согласилась Бронвин.

Енох выпучил глаза:

– Да ты же можешь их черт знает куда зашвырнуть!

– Да, это так, – со вздохом признала Бронвин. – Я доверчивая.

Я задумался: интересно, приехал ли с ними сам Песья

Морда? И тут кто-то пролаял мое имя. Я обернулся и увидел, что он спускается к нам по ступеням, ухмыляясь сквозь шерсть:

– Так-так, кто это тут у нас? Не иначе как сам знаменитый Джейкоб Портман со всей своей подхалимской компанией. Любишь поставить всех на уши, да, Портман? «Куда он подевался, куда пропал на этот раз?» Все бегают, волнуются, ищут... Юные поклонницы места себе не находят... – Он подмигнул Эмме, и та вспыхнула от смущения, а я скрипнул зубами и рявкнул:

– Чего тебе надо?

– Так-то ты со мной теперь здороваешься? – Песья Морда укоризненно покачал головой. – Уже забыл, что это я тебя спас в последнюю нашу встречу?

– В последнюю нашу встречу ты потребовал заоблачную сумму за то, что любой порядочный странный сделал бы даром, – сказала Эмма.

– А я никогда и не говорил, что я порядочный. И, кстати сказать, проценты на невыплаченную половину этой суммы быстро растут. Но я здесь не за тем, чтобы взыскивать долги. Мы просто хотим засвидетельствовать свое почтение, прежде чем начнется шоу.

Из-за спины Песьей Морды выступила Анджелика со своим неизменным черным облаком над головой и вечно недовольным личиком, а за ней – Крах Донован, высокий и тощий, в элегантном коричневом костюме, при красном гал-

стук и с волосами дыбом, застывшими, точно гребень волны. Глядя сейчас на них, я вдруг понял, что понятия не имею, из кого состоит клан Анджелики и каким странным даром обладает Крах, если не считать таковым нечеловеческую самоуверенность.

– Я думала, вы все друг друга терпеть не можете, – заметила Эмма.

Анджелика посмотрела на нее сверху вниз:

– Мы способны на время забыть о разногласиях, когда этого требуют обстоятельства.

– И что это за обстоятельства? – поинтересовался я.

– Так вы теперь будете жить с нами здесь, в Дьявольском Акре? – с улыбкой спросила Оливия. Она всегда была вежлива и мила с незнакомцами и явно не догадывалась, что эти американцы не так давно пытались нас купить как рабов.

– Жить в Дьявольском Акре? – расхохотался Крах. – С вами? – Из-за чудовищного ирландского акцента это прозвучало примерно как «швамьи».

Анджелика метнула на него тяжелый взгляд, как будто они заранее условились вести себя прилично, и Крах подавил смех.

– Лео Бернем не смог прибыть лично, – сообщила Анджелика, – и поручил нам выступать от его имени. Он попросил нас изучить, как управляют делами ваши имбрины. Исследовать ваш... гм... – Она окинула взглядом зал и, не скрывая глубокого отвращения, продолжила: – Ваш образ жизни.

– Посмотреть, нет ли у вас каких-либо политических или организационных новшеств, которые могли бы перенять, – добавил Крах.

– Скорее уж разнюхать наши слабые места, – прошептал мне на ухо Енох.

– Приехали, значит, посмотреть, как живется в другом полушарии? – уточнил Хью.

– Да уж поглядели. Видим, что хреново живется, – усмехнулся Песья Морда.

Хью плюнул в него пчелой. Песья Морда пригнулся, и пчела прожужжала на волосок от его уха, развернулась над головой, как бумеранг, и вернулась Хью в рот.

– Наши имбрины управляют делами цивилизованно, в отличие от вас, невоспитанных варваров! – объявил Хью и хихикнул, когда Песья Морда зарычал на него, как настоящий пес.

Напротив нас, по другую сторону от сцены, кто-то из обитателей Канавы внезапно рыгнул – так громко, что его услышали во всем зале, – и изверг изо рта фонтан грязной воды прямо на головы кузенам Харона. Те обернулись и пригрозили – точно так же во всеуслышание: еще один такой фокус, и все полурыбы пойдут на шашлык.

– Это самая кошмарная и отвратительная из всех петель, какие мы с моим облаком только видели! – выпалила Анджелика и вздохнула, не скрывая облегчения. Наверное, она и правда, лопнула бы, если бы не сказала этого вслух.

– Не стоит судить о нашем образе жизни по одному этому месту, – раздраженно сказала Эмма. – Несколько месяцев назад твари разрушили многие британские петли, и все мы волей-неволей сбились здесь в кучу, как на спасательной шлюпке. Мы еще даже толком не начали восстановительные работы.

– Ну конечно, мы все понимаем, – заверил ее Крах. – А что будет после того, как вы все восстановите?

– Будем жить как раньше, – сказала Клэр.

В голосе ее было столько надежды, что ни у кого не хватило духу ее разочаровать, хотя в свете того, о чем собирались объявить имбрины, о возвращении к прежней жизни не могло быть и речи.

Песья Морда опустился на колени перед Клэр и заглянул ей в глаза:

– Так тебе очень нравилось, как вы жили раньше? – пропещал он детским голоском. – Когда имбрины обращались с вами как с детишками?

– А вот и нет! Ничего такого они не делали! – возмутилась Клэр.

– Да неужели? – пропела Анджелика.

– К нам теперь будут прислушиваться больше, чем прежде, – примирительно вставила Бронвин.

Брови Краха взлетели вверх, и весь его высоченный лоб пошел складками.

– Имбрины нам пообещали, – сказала Клэр.

Песья Морда подавил очередной смешок. А я уже не находил себе места: когда же имбрины, наконец, откроют собрание?

Эмма поднялась и, расправив плечи, посмотрела Песьей Морде в лицо:

– А вы полагаете, в Америке все устроено лучше? Вам по душе, что несколько главарей поделили власть и собрали вокруг себя бандитские шайки, чтобы держать всех остальных в страхе? Вам по душе воровать, чтобы не умереть с голоду? Непрерывно воевать и сражаться между собой? Дрожать при мысли о том, что вас захватят в плен, стоит только ступить на территорию конкурента? Да как вы там вообще живете?!

– Слова никчемной слабачки, которая и недели не продержалась бы в странном Нью-Йорке! – гордо тряхнула головой Анджелика.

Крах проявил больше такта:

– Я и не утверждаю, что мы идеальны. Нам тоже есть куда расти, потому-то мы и приехали поднабраться опыта. Но мы, по крайней мере, можем сами принимать решения в своих петлях.

– Ваши петли – это порочный круг преступности и насилия! – заявил Миллард. – Ваша так называемая свобода – лишь иллюзия.

– Зато нам никто не говорит каждый вечер: «Пора по кроваткам!» – хохотнул Песья Морда. – А вы всего-навсего избалованные, инфантильные...

– Мы не для того приехали, чтобы с вами ссориться, – перебил Крах.

– Говори за себя, – буркнул Песья Морда.

– Вы что, не можете вести себя прилично? – не выдержала Клэр. – Мы, конечно, понимаем, что жизнь у вас не сахар, но...

Ухмылка на лице Песьей Морды растаяла.

– Когда выглядишь так, как я или мои Неприкасаемые, о легкой жизни можно забыть. Это милые маленькие девочки вроде тебя могут себе позволить роскошь «вести себя прилично», – проговорил он с невыразимым презрением, – но мне повезло меньше. Поэтому я – человек дела. И делаю все, чтобы выжить. Меня называют позором странного мира. Мохнатым тараканом. Да. Ну и что с того? Этот таракан будет крепко стоять на земле, когда все кругом рассыплется в прах. – Он отвернулся и двинулся прочь, но вдруг словно вспомнил что-то важное. – Ах да! Насчет того, что мы, дескать, вынуждены воровать, чтобы не умереть с голоду... Тут вы крупно заблуждаетесь. Лично я ворую из любви к искусству.

Он разжал кулак и покачал подвешенным на палец медальоном на серебряной цепочке.

– Эй! – воскликнула Оливия. – Это мое!

Песья Морда усмехнулся, уронил медальон ей на колени и ушел, прихватив с собой Анджелику и Краха.

– Чрезвычайно неприятные люди, – промолвил Гораций

и помахал рукой перед носом, будто прогоняя вонь.

— И до чего нахальные! — подхватила Эмма. — Если бы не имбрины, они бы в своей Америке уже все друг друга поубивали из-за каких-нибудь заплесневелых обид.

— Да ладно, ну их! — сказал Енох. — Смотрите, похоже, начинается!

И действительно, внизу открылась дверца, ведущая на сцену.

Толпа затихла при виде девяти имбрин, шествовавших торжественной колонной. Первой шла мисс Сапсан, и сейчас она выглядела даже серьезнее, чем обычно. За ней следовала мисс Кукушка; ее золотой брючный костюм и волосы, сверкавшие серебром, живо напомнили мне Дэвида Боуи. Белое платье и белые перчатки мисс Бабакс тоже казались слишком смелым выбором — по крайней мере, для этой петли, где все заросло грязью. Мисс Черный Дрозд держала третий глаз открытым, оглядывая зал на предмет возможных опасностей. Мисс Гагара и мисс Трупилал, которых я едва знал, буквально наступали ей на пятки. От них не отставала мисс Баклан, имбрина из Ирландии. Эддисон поднялся на задние лапы, а переднюю вскинул, приветствуя мисс Королек. Процессию замыкала мисс Шилоклювка — любимые ученицы, Франческа и Беттина, вкатили ее кресло на сцену.

Эсмеральда Шилоклювка была старшей и самой могущественной: в разное время она побывала наставницей всех собравшихся здесь имбрин, да и почти всех ныне живущих им-

брин Британии. Но сейчас эта худенькая, хрупкая старушка, закутанная в плотную шаль, выглядела совсем слабой и дряхлой – немногим лучше, чем в первую нашу встречу, когда она влетела в дом мисс Сапсан с ужасной вестью об атаке пустот, и определенно хуже, чем несколько часов назад. Что бы там ни обсуждали имбрины на своем совете, похоже, это выпило из нее остаток сил. Я лишь надеялся, что она продержится до конца общего собрания.

Последними через дверцу прошли четверо охранников. Они заняли посты по четырем краям сцены и замерли, взяв на караул. Франческа и Беттина вышли через ту же дверцу, прикрыв ее за собой, а мисс Сапсан прошествовала на середину сцены, встала за той ужасной платформой для хирургических операций – точь-в-точь лектор за кафедрой! – и обратилась к залу:

– Приветствую вас, мои странные собратья! Должно быть, кто-то из вас уже догадался, для чего мы собрали вас здесь, но кто-то еще только строит догадки. Не стану мучить вас ожиданием. Однако напомним, что еще совсем недавно мы праздновали победу над тварями, которых разбили наголову в битве на Могильном холме. Мы храбро сражались и одержали верх, так что могу сказать от лица всех присутствующих имбрин: мы гордимся вами! Всеми вами – и теми, кто участвовал в битве, и теми, кто трудился в тылу, чтобы восстановить петли и все наше сообщество. Никто из вас не пал духом перед лицом столь грозной опасности!

Она взяла паузу, а я почувствовал, как все вокруг подались вперед, выжидая, что она скажет дальше. Весь зал застыл в напряжении.

– Но скажу прямо и откровенно: то ужасное событие, которое мы изо всех сил старались предотвратить, все-таки произошло. – Ее голос загремел, отдаваясь эхом: в зале была отличная акустика. – Там, на Могильном холме, одной твари все-таки удалось от нас ускользнуть. Его зовут Персиваль Мурнау, и он был правой рукой Каула. Мы воздвигли немало препятствий на его пути, истребили немало его приспешников. И нам показалось, что победа за нами. Но с глубоким сожалением вынуждена сообщить, что сорвать его планы мы не смогли.

По залу прокатились шепотки.

– Два дня назад на Дьявольский Акр обрушились казни. Предположений о том, из-за чего это происходит, звучало немало, но теперь мы знаем наверняка. Два дня назад Персиваль Мурнау воскресил моего брата Каула, предводителя тварей.

Шепотки сменились вскриками, вскрики – воплями отчаяния. Имбрины воззвали к залу, прося тишины. Не сразу, но слушатели все же притихли – по крайней мере, настолько, чтобы мисс Сапсан смогла продолжать.

– Наш самый заклятый враг вернулся – не могу сказать точно, в каком виде. И несмотря на то, что смерти или плена избежала лишь горстка оставшихся тварей, сам Каул сей-

час сильнее, чем когда бы то ни было. Но пределы его могущества нам пока неизвестны. – Ропот в зале стал громче, и мисс Сапсан пришлось повысить голос. – Но все же речь идет не об армии, а об одном-единственном человеке. И этот человек пока еще не напал ни на одну петлю, ни на одного странного...

– А что будет, когда он начнет нападать? – прогремел из зала знакомый голос. Взгляды собравшихся устремились на Ламота, а тот поднялся во весь свой немалый рост, сверля имбрин глазами. – Что вы тогда предпримете?

Мисс Кукушка шагнула вперед и встала рядом с мисс Сапсан.

– Мы организуем защиту Дьявольского Акра. И, как мы полагаем, пробиться через нее будет невозможно.

– Вы полагаете? – выкрикнул кто-то, и я заметил, что мисс Кукушка поморщилась, досадуя на себя за неудачное выражение.

– Да как вы вообще это допустили? – крикнул кто-то еще.

– У нас все было под контролем! – Мисс Черный Дрозд приставила ко рту ладони, сложенные рупором, но за шумом, поднявшимся в зале, ее почти никто не услышал.

Эмма, сидевшая рядом со мной, качала головой, и я понял, что она хочет сказать: еще чуть-чуть, и все собрание погрузится в хаос. Я слышал, как люди вокруг кричат не только на имбрин, но и друг на друга: у каждого обнаружилось свое мнение насчет того, кто виноват и что теперь делать. Но ясно

было одно: этим людям нужны сильные лидеры. Я видел, что странное население Дьявольского Акра, разрозненное и разнородное, пропадет без имбрин – пусть даже у многих были к ним претензии.

И тут сквозь всеобщий галдеж и суматоху пробился выкрик Харона:

– ТИШИНА!

Толпа снова притихла.

– У меня тоже есть вопросы, – сказал Харон, слегка приглушив громоподобный бас. – Я тоже возмущен, но сейчас не время разбирать ошибки, которые привели к такой ситуации. Этим можно будет заняться позже, когда кризис останется позади. Возможно, у нас не так уж много времени, чтобы организовать защиту, и если мы потратим его на пустые склоки, то сильно об этом пожалеем. Или вообще уже не сможем ни о чем пожалеть. Так что будьте добры... – Он картинно простер длинную руку в сторону сцены, и только выскочившая из рукава мышь немного подпортила красивый жест. – Дайте, наконец, слово этим почтенным дамам!

Мисс Сапсан благодарно кивнула Харону и, чуть подавшись вперед, схватилась обеими руками за края хирургической платформы.

– Я не хочу сказать, что мы, имбрины, никогда не ошибаемся. Мы должны были это предвидеть, но, увы, не смогли. И я с готовностью признаю нашу ошибку.

Кажется, ей удалось немного остудить страсти.

Я бросил взгляд на Нур. Та сидела, уставившись в пол. Похоже, ей было совсем плохо.

– И нет, я не прошу сохранять спокойствие, – продолжала мисс Сапсан, повысив голос. – Но настоятельно прошу о другом: держитесь! Не поддавайтесь страху! Если я стану заверять вас, что это нетрудно, вы решите, что я не уважаю ваш интеллект. И все же паника ни к чему хорошему не приводит. Мы жили в страхе перед тварями и их пустотами целый век, так что нечего и надеяться, будто изгнать подобное зло можно малыми силами или всего за несколько недель. Да, наша победа на Могильном холме впечатляет. Мы сражались свирепо и отважно, и враг был сокрушен. Но все же этого недостаточно. Последнее испытание нам еще только предстоит, и это будет битва, масштабы которой предсказать пока невозможно. Но наверняка я могу сказать одно... – Мисс Сапсан отошла от платформы и выступила на передний край сцены, сцепив руки за спиной, как заправский генерал перед войском. – Он за нами придет. Он придет сюда. В этой петле мой отвратительный брат провел много лет, и можете не сомневаться: он все еще в ярости, что его отсюда выдворили. Но мы не отдадим ему Дьявольский Акр. Мы просто не вправе потерять наше единственное убежище, не говоря уже о Панпитликуме. Мы превратим эту петлю в неприступную крепость, а потом изыщем способ загнать Каула обратно в загробный мир, из которого он каким-то чудом вернулся. Но нам понадобится ваша помощь. Встаньте с нами рука об ру-

ку! Встаньте и сражайтесь! – Она взмахнула рукой, сжатой в кулак. – Наша воля крепка! Мы не пустим его сюда! Мы не...

Вот уже некоторое время в зале нарастал какой-то глухой, низкий рокот, но я так увлекся речью мисс Сапсан, что до этой секунды ничего не замечал. Но тут пол у нас под ногами задрожал, а странный звук стал вдвое громче – и в тот же миг по залу пронесся порыв ветра, задувший разом все газовые рожки. В темноте послышались крики, но их тут же перекрыл оглушительный голос:

– УБИРАЙТЕСЬ ВОН! Прочь из моего дома! Уносите ноги, пока еще можете!

Голос шел как будто со всех сторон сразу, а с каждым словом по залу вдобавок разносилась какая-то кислая вонь. Люди бросились к выходу, натываясь друг на друга в темноте. Поднялся грохот, а за ним – новые вопли. Похоже, кто-то упал и катился вниз по лестнице.

– Сидите, а то нас затопчут! – крикнула Эмма и для верности надела мне на плечи, чтобы я не вздумал вскочить. Я повернулся и придержал Нур, а она, в свою очередь, схватила сидевшую рядом Фиону.

– Я родился вно-о-о-о-овь!

Голос обрушился на нас с такой силой, что у меня глаза чуть не выскочили из глазниц. А миг спустя в самом центре зала вспыхнул ослепительный свет. Из тьмы проступило лицо – огромное, синее, сияющее. Оно парило в воздухе. И это было лицо Каула – только лицо и больше ничего, за-

то не меньше трех метров в высоту. Я узнал эти тонкие губы и крючковатый нос. Затем губы раздвинулись в ухмылке, обнажив два ряда ровных, круглых зубов, и Каул захохотал, любуясь кутерьмой, которую он поднял в зале. Люди спотыкались и падали, карабкались друг через друга, пробирались на ощупь к лестнице, которая вела к спасительной двери, — но на лестнице было уже не протолкнуться от тех, кто упал на ступеньках или застрял во всеобщей давке, а дверь, судя по всему, заклинило. Имбрины отступили к краям сцены, подальше от ужасной головы, висевшей прямо над ними, но бежать не пытались. Охранники застыли в ужасе.

Смех оборвался. Каул усмехнулся еще раз и произнес уже чуть тише:

— Ну что? Привлек я ваше внимание?

И тут прогремел выстрел: один из охранников опомнился и выпалил в Каула из пистолета, но пуля пролетела сквозь призрачное лицо и отскочила от стены.

— Дурачок, меня тут нет, — сказал Каул. — Но скоро буду. Я уже иду! Я неотвратим! Я неизбежен! — Голос его снова набрал силу. — Я овладел могуществом древних душ, и я сокрушу любого, кто встанет на моем пути!

Я уже стал прощаться с барабанными перепонками, как оглушительный рев внезапно сменился издевательским детским хныканьем:

— Ой-ой-ой, помогите! За нами пришел нехороший дядя! Папочка, папочка, что же нам делать?!

Лицо Каула слегка повернулось, а голос зазвучал как дурацкая пародия на американского папашу середины прошлого века:

– Нет ничего проще, Джонни! Мы должны избрать праведный путь!

– А что это за путь, папочка? – снова раздался писклявый голосок слабоумного ребенка.

– Каул теперь наш бог, – пробасил в ответ «папа», – и это очень, очень хорошо, что он милосердный. Ты ведь грешник, малыш Джонни, да и я не без греха. Столько лет мы поклонялись не ему, а этим шарлатанкам-полуптицам! Да, мы плохо себя вели. Отрицали нашу истинную природу, нашу истинную силу, наше предназначение. Не признавали, что нам суждено восседать во главе человеческого стола, а не прятаться под ним в страхе.

– Человечьего чего, папочка?

Между тем мисс Сапсан изо всех сил пыталась перекрыть этот безумный спектакль, который Каул разыгрывал сам с собой:

– Он не причинит нам вреда! Он ничего не может! Это всего лишь проекция! Успокойтесь!

– Человечьего *стола*! Ведь мы, странные, далеко опередили в развитии обычных людей. И что же? Мы прячемся в петлях, вместо того чтобы править бал! Две тысячи лет мы дрожим в ужасе, что нас раскроют! Стыд и позор!

– Точно, папочка! Вот отчего Каул ТАК РАЗОЗЛИЛСЯ!

– Не бойся, Джонни. Все, что тебе нужно сделать, – это попросить прощения и принести ему клятву вечной верности. И он тебя пощадит.

– Ой, правда?

– Ну, и еще кое-что. Сущая мелочь.

Лицо Каула замерцало и вдруг начало таять. Кожа стекла с костей и собралась в воздухе сияющей лужицей, а потом, взвихрившись, собралось в другое лицо – мое!

Я похолодел в полной уверенности, что у меня начались галлюцинации. Писклявый детский голосок исчез, сменившись глубоким, раскатистым рыком, который мог бы принадлежать разве что демону из преисподней:

– УБЕЙ МАЛЬЧИШКУ!

Эмма ахнула. Нур вцепилась в мою руку. А проекция опять начала меняться: кожа пошла пузырями, затем разгладилась – и в воздухе повисло новое лицо. Лицо Нур.

– УБЕЙ ДЕВЧОНКУ!

Теперь уже я вцепился в руку Нур. Она сидела молча, угрюмо глядя перед собой. Светящийся образ Нур быстро сменился лицом Каула, и его насмешливый голос произнес:

– Ну а если кто-нибудь захочет заслужить мое особое расположение...

Проекция бесшумно взорвалась и рассыпалась на тысячи голубых огоньков. Еще мгновение – и они стали собираться в новую картину. В воздухе засияли портреты наших имбрин, всех девяти, – зеркальные копии тех, что стояли под ними,

на сцене, и с отвращением взирали на это световое шоу.

– УБЕЙТЕ ИХ ВСЕХ! – взвизгнул Каул так громко, что я зажал уши и втянул голову в плечи. Так громко, что стеклянный потолок над нами задрезжал, грозясь разлететься осколками.

Из толпы слышались крики, а голубые двойники имбрин между тем превратились в птиц. Каул захихикал:

– Ползите прочь, букашки! Улетайте, птички! Кыш, кыш, пошли все вон из моей кухни!

Светящиеся птицы взмыли к потолку, ударились о стекло и растворились в пустоте. И тут потолок все-таки лопнул. Сотни тысяч осколков обрушились в зал, и все завизжали так, что можно было оглохнуть. Эмма вопила и мотала головой, пытаясь вытрясти битое стекло из волос. Нур тоже кричала, и кровь ручьями текла по ее рукам. И Гораций орал как резаный, хотя и не забывал вертеть головой, чтобы не пропустить ничего из творящегося кругом кошмара.

А затем картина у меня перед глазами замерцала...

Вопли стали стихать...

И небо, открывшееся за разбитым стеклянным потолком, вдруг потемнело... как странно, подумал я, не припомню, чтобы в этом зале был стеклянный потолок... а рожки на стенах снова вспыхнули живым огнем. И над головами у нас больше не было никакого стеклянного потолка, ни целого, ни разбитого, – просто самый обычный потолок с какой-то росписью. И никакой крови, и никаких осколков.

Значит, все это была иллюзия.

В зале снова стало светло.

Каул исчез.

Мало-помалу возвращались другие звуки. Возгласы облегчения. Стоны тех, кто скатился с лестницы, или упал уже у самой двери, или пострадал в давке. Всхлипы напуганных, потрясенных людей. Клэр тихо плакала, а Бронвин качала ее на руках. Нур мертвой хваткой вцепилась в мою руку. Имбрины взывали к толпе, умоляя успокоиться. Мисс Сапсан где-то раздобыла мегафон и твердила, что представление Каула – это обман зрения, он пытается напугать и разобщить нас, но мы не должны идти у него на поводу. Снова заверив толпу, что имбрины работают над защитой Акра и осталось уже недолго, она передала мегафон мисс Королек, и та стала руководить эвакуацией («Не толпитесь! По одному ярусу за раз!»). Крики и всхлипы постепенно стихали. Имбрины поднялись в зал, чтобы утешить тех, кто особенно в этом нуждался. Отмахнуться от ободряющих слов издалека, будучи всего лишь одним из множества слушателей, было нетрудно, но когда с ними говорили лицом к лицу, один на один, люди им верили. Потому-то имбрины никогда не брали себе больше десяти – пятнадцати подопечных. С большой толпой им просто не управиться. Будь у них время, можно было бы просто ходить по домам и говорить с каждым по отдельности, методично распутывая узел страха, затянутый Каулом.

Дождаясь, пока мисс Королек объявит наш ярус, я заме-

тил, что кто-то движется по лестнице против потока, в нашу сторону, локтями и плечами прокладывая себе путь через толпу. Разноглазый человек-сканер! Не доходя до нас одного яруса, он свернул с лестницы, а когда поравнялся с нами, вспрыгнул на скамью предыдущего ряда и повернулся ко мне. Его глаза казались пустыми, словно он смотрел, но ничего не видел.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил я.

Он потянулся себе за спину и вытащил что-то из-за пояса. Я лишь краем уха услышал, как кто-то крикнул: «У него нож!» – как этот нож уже сверкнул его в руке, кривой и длинный. Человек-сканер бросился на Нур.

Нур метнулась в сторону и навалилась на меня спиной, а нож вонзился в скамью – в том самом месте, где она только что сидела. Пока человек-сканер пытался выдернуть нож, с него свалилась шляпа. Кто-то схватил его за пояс, а он замахал руками, теряя равновесие. Тут Гораций дал ему по голове, а Нур ударила прямо в лицо. Еще миг – и подоспели двое охранников. Они оторвали его от ножа, подхватили под руки и поволокли прочь. Сканер молчал и даже не сопротивлялся.

– Ты цела? – спросил я Нур.

Она кивнула и встала с меня.

Мисс Сапсан уже хлопотала над нами, спрашивая, не пострадал ли кто. Мы сказали, что нет. Она вздохнула с облегчением, но тут же опять нахмурилась. Пока она стояла, беспокойно оглядывая зал, я заметил в ее глазах отражение ка-

кого-то нового страха.

«Все изменилось», – говорил ее взгляд.

Глава седьмая

Сразу же, как только появилась возможность, имбрины вывели нас с Нур на улицу. Друзья подняли шум, беспокоясь, что мы пострадали, а люди в толпе таращились на нас, разинув рты, но мисс Сапсан, мисс Королек и трое охранников выпроводили нас из зала, не обращая внимания ни на что. Я попытался вытащить следом и всех друзей, но мисс Сапсан, придержав меня за плечи, шепнула, что не стоит этого делать: если всех ее подопечных эвакуируют первыми, остальные заметят и решат, что это нечестно. Так что без очереди пропустили только меня и Нур. Надо думать, как носителей черной метки.

Но объяснить нам толком никто ничего не мог. Мы понятия не имели, следует ли ожидать новых покушений. И почему человек-сканер на нас напал, тоже было не совсем ясно: задумал ли он атаку заранее или его вдохновили безумные речи Каула? Имбрины были ошеломлены не меньше нашего – я знал их достаточно, чтобы видеть это наверняка. Но поскольку сотня перепуганных странных, застрявших в одном большом зале, как в ловушке, – это синоним пороховой бочки с подожженным фитилем, наши наставницы из всех сил старались притворяться спокойными и поддерживать спокойствие вокруг.

Нас торопливо вели по улицам Акра туда, где было вроде

бы безопасно: в министерское здание, в палату Совета имбрин. Из всех репродукторов вещал Амос Декстер – вот уж кому не надо было напрягаться, чтобы одним только голосом успокоить кого угодно! «Слушайте меня, жители Акра, и сохраняйте спокойствие! Мы в безопасности. Каула здесь нет. Если вы держитесь на ногах, возвращайтесь домой. Если вы ранены, оставайтесь на месте: скоро вами займется костоправ. В течение дня имбрины лично посетят все дома и общежития. Повторяю, мы в безопасности. И напоминаю, что Хит-парад Амоса пройдет сегодня пополудни, точно по расписанию, а это значит, что у каждого из вас и еще у одного вашего друга-везунчика будет шанс выиграть настоящую ломовую лошадь!» И вполголоса, стремительной скороговоркой: «Победители разделят лошадь между собой. Сохранение лошади в живых не гарантируется. Обмену и возврату призы не подлежат». Я заметил, как мисс Сапсан шепнула что-то второй имбрине и покачала головой.

Мы добрались до министерского здания и поднялись наверх, в палату Совета, где и устроились ждать вместе с имбринами, а охранники заняли пост перед дверью. Скоро должны были вернуться остальные члены Совета. Между тем мы пытались хоть как-то разобраться, что происходит. Мы с Нур сели за большой полированный стол для совещаний, мисс Королек встала у пробковой настенной доски, на которой были развешаны карты петель, и изучала ее так внимательно, словно надеялась найти какую-то подсказку насчет

планов Каула, а мисс Сапсан просто расхаживала взад-вперед на фоне увитого лозами окна – огромного, в три человеческих роста.

– В основном это просто зрительные эффекты, – рассуждала она. – Ну и в придачу – несколько трюков с сознанием. На самом деле ведь не было ни стеклянного потолка, ни крови. Одним словом, низкопробный балаган. Пустышка.

– Он просто пытался нас запугать, – сказал я.

– И ему удалось, – заметила Нур. – Все теперь трясется от ужаса.

– Он хочет нас разделить, – добавила мисс Королек.

– Ничего нового, – хмыкнула мисс Сапсан. – Этим он занимается уже не первый десяток лет.

– Но до сих пор ему еще не удавалось предъявить публике собственную проекцию и выступить с пропагандой напрямую, – возразила мисс Королек. – Это кое-что новенькое. Если он сможет настроить наших собственных подопечных против нас, ему и воевать не придется.

– Вы и правда считаете, что это может случиться? – спросила Нур. – Странные люди могут обратиться против вас?

– Исключено, – отмахнулась мисс Сапсан.

Но я тут же вспомнил про движение за свободу от петель и подпольные собрания, на которые нас приглашал Харон. Не сказать чтобы это было прямо-таки пламенное сопротивление, но даже небольшие разногласия – это уже трещины, в которые Каул вполне способен вбивать клинья.

– Ну, одного-то он все-таки переманил, – заметила Нур.

– Мы пока не знаем, так ли это, – возразила мисс Сапсан. – Возможно, этот молодой человек просто оказался слаб духом, и Каулу удалось как-то захватить контроль над его сознанием.

– Возможно, спору нет, – с сомнением промолвила мисс Королек. – Но недовольство в нашей среде растет, а идеи Каула о превосходстве странных весьма привлекательны для людей определенного склада. Именно так он и завербовал первых своих последователей. Кроме того, не забывайте, что среди нас есть бывшие наемники, которые жили в Акре, когда тот был под властью тварей. Вряд ли они обрадуются возвращению Каула – но, с другой стороны, эта перспектива не так уж их и страшит. Они не станут лезть из кожи вон ради победы.

– Тот молодой человек пятьдесят лет прожил под опекой мисс Трупил, – сказала мисс Сапсан. – Он не наемник. Единственное объяснение – контроль над сознанием.

Это прозвучало так, словно нашей директрисе позарез нужно было в это верить. Лично мне поверить в контроль над сознанием было куда труднее, чем предположить, что в стадо затесалась одна паршивая овца, поддавшаяся на ядовитую риторику Каула. Но имбринам сама идея предательства казалась невыносимой, запредельно ужасной. Верность была важнее всего на свете: предполагалось, что все мы – одна семья.

Мисс Королек покачала головой:

– Так или иначе, его уже допрашивают, и скоро все выяснится. А до тех пор – никаких больше всеобщих собраний! Если мы опять собьемся в одну кучу, то станем легкой мишенью. – Она повернулась к нам. – А вам двоим придется оставаться под охраной круглосуточно.

Нур помрачнела:

– А нельзя ли как-то без этого?

– Боюсь, что нет, – сказала мисс Сапсан. – Вы слишком ценны, а Каул только что назначил награду за ваши головы.

– Где один убийца, там могут появиться и другие, – добавила мисс Королек.

Я вздохнул. Конечно, они были правы, но мне совсем не улыбалось, чтобы за нами по пятам повсюду ходила охрана.

Тут дверь открылась, и вошла мисс Кукушка, а с нею – Эмма, Гораций и невидимый Миллард («Привет, это я!»). Как я понял, они уже некоторое время о чем-то препирались между собой.

– Но он послал свою проекцию прямо в Акр! – бушевала Эмма. – Если он на такое способен, он может вывести любые наши планы!

– Ничего подобного, – возражал Гораций. – Это было что-то вроде кино. Мы его видели, но он нас – нет.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

Только теперь они заметили, что мы с Нур тоже здесь, и бросились к нам с расспросами. Удостоверившись, что мы

целы и невредимы, Гораций, наконец ответил:

– Если бы Каул заметил мисс Эс, как по-твоему, он бы смог удержаться и не поддразнить ее?

– Точно, – кивнула мисс Сапсан и указала нашим друзьям на стулья. – Он никогда не упускает такой возможности.

– И мы тоже не должны упускать ни малейшей возможности, – подхватил Миллард. Никто не возмутился, что он опять ходит голый, – всем было просто не до того. – Нужно изучать и препарировать каждое его слово, каждый звук, каждую подсказку, какую только можно отыскать в этом представлении, которое Каул для нас устроил. Только так мы поймем, во что он теперь превратился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.